

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НОВАЯ ЭРА

ВЛАДИСЛАВ КОНЮШЕВСКИЙ

ЖДИТЕ КРАСНОГО КОМАНДИРА В МОСКВЕ!

Владислав Николаевич Конюшевский
Боевой 1918 год. Комбриг
Серия «Боевой 1918 год», книга 3
Серия «Фантастический
боевик. Новая эра»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67779671
Боевой 1918 год. Комбриг: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-149125-3

Аннотация

Чур уже вполне освоился в прошлом. Многого достиг, превратившись в героя войны с тевтонцами, о котором пишут как социалистические, так и буржуазные газеты. Но далеко не всем нравится проводимая им политика. И когда «старые большевики» пытаются ему указать на неверность поведения, то прагматичный командир подразделения морской пехоты, недолго думая, просто отдает настоячивых советчиков под трибунал. Только в Москве этот арест вызвал сильнейшее недовольство, и непредсказуемый краском был срочно вызван в столицу. Что его там ждет и чем закончится противостояние с «заслуженными революционерами», читайте в этой книге.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	36
Глава 3	61
Глава 4	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Владислав Конюшевский

Боевой 1918 год. Комбриг

© Владислав Конюшевский, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Опираясь на деревянный брус, закрепленный поперек двери теплушки, я слушал ставший уже привычным редкий перестук колес, разглядывая чинно проплывающие мимо пейзажи. Тем более что неинтересная степь уже закончилась и пошло разнообразие. То роща, то поля, то речка, то виднеющаяся вдалеке деревня. Да и просто стоять вот так, ловя лицом не сильный встречный ветерок, было приятно. Ну, правда до тех пор, пока паровозный дым не начнет задувать в вагон. Тогда вся окрестная пастораль моментально приобретает кисло-едкий привкус сгоревших в топке дров, и дверь лучше прикрыть, зафиксировав веревкой, оставив узкую щель. А то теплушка может быстро превратиться в газенваген.

Хотя сам вагон нам достался, можно сказать, со всеми удобствами. Не просто, где «сорок человек или восемь лошадей», а прямо-таки люкс. Треть пространства была отгорожена дощатой перегородкой с дверью. Там были установлены нары и печка-буржуйка. В дальнем углу присутствовала дырка в полу, для отправления естественных надобностей. Что еще нужно для полного счастья? Только если воды на станции набрать. И самое главное – нет той толчеи, что происходит в пассажирских вагонах поезда. Правда, буквально на каждой крупной станции приходилось закрывать двери,

пытаясь отсечь поток желающих проехать по железке. А то поначалу к нам пару раз пытались влезть какие-то хмурые мужики с огромными мешками. И не просто влезть, а еще и права покачать. Лишь сунутый под нос ствол заставлял глухо матерящихся коробейников убраться.

Хотя в Ростове мне предлагали для путешествия вагон какого-то из великих князей. С бархатом, медью и позолотой внутри. Но к нему прилагалось два услужливых проводника, поэтому пришлось за явить, что у меня с собой лошади, в связи с чем царские апартаменты исключаются. Вот и получил сию теплушку. Только не надо думать, что я внезапно проникся идеями равноправия и, движимый аскетизмом, с негодованием отказался от комфортной роскоши. Хрен вы угадали. Меня напрягали те самые улыбчивые проводники. А я с момента получения телеграммы от ВРИО председателя СНК не доверяю никому, кроме своих парней. Просто если у кого-то хватило ума и возможностей сотворить «липу» на таком верху, то неизвестно, чего от них вообще ожидать можно. Поэтому зачем мне нужны возможные шпионы под боком?

Дело в том, что вроде бы совершенно нормальная правилительственная телеграмма была отправлена без необходимых меток. Для того месяца и того дня в настоящем послании должно присутствовать слово «звезда» в любом контексте и точка с запятой в конце. Их не было, а значит, телеграмму послал не Жилин. При посторонних я не показал вида, что...

хм... несколько взволнован, но уже в расположении батальона выложил свои сомнения мужикам. Комиссар моментально «упал на измену» и, переполошившись, вообще настоятельно рекомендовал никуда не ехать. От избытка чувств хватавшийся морского сленга Лапин выдал:

– Твою мать... в клюз... через колено... в центр мирового равновесия... Да ты... Да они... – после чего, немного придя в себя, слегка поуменил экспрессию: – Ты совсем е...? В смысле – с ума сошел? Не понимаешь, чем это закончится? Тебя же просто убьют! Ведь мы даже не знаем, на каком уровне произошло предательство и кто это тебя таким хитрым способом выманивает!

Примкнувший к нему Буденный (еще тот знаток общенной лексики), уважительно кивавший во время комиссарского спича, тут же орально поддержал однопольчанина. При этом будущий маршал внес некий конструктив, добавив в витиеватые обороты не просто предостережение от поездки, а настаивая на немедленном подключении к делу чекистов.

Выслушав коллег, я ухмыльнулся:

– Ну так уж и не знаем... А если подумать? Кому мы буквально намеренно оттоптали нежные демократические гениталии?

Кузьма, пару раз мигнув, потрянул головой, ошарашенно произнес:

– Да нет... Не может быть... Это же наши товарищи... Неужели они посмели... Но зачем?!

Я фыркнул:

– Что за женские вопросы? «Зачем?» Просто граждане из военной оппозиции, получив послание от своих людей о том, что произошло в батальоне, подняли волну. Ведь их делегатов чуть не шлепнули, а «донна Роза» так вообще под вышкой ходит. В плену, можно сказать. Вот в «товарищах» говно и вскипело, после чего они пошли на подлог, направив нам фальшивое сообщение.

– Зачем?!

– Да просто. Ведь надавить на меня можно только через Жилина. А надавить не получится, так как он их сам не переваривает. Плюс у нас на руках есть решение трибунала. Но вот если меня в Москве арестовать, то Чура можно будет легко обменять на Розу. Или даже не сразу менять, а для начала тоже засунуть под трибунал. Но уже состоящий из своих людей.

Семен пожал плечами:

– Тогда вообще не вижу смысла так рисковать. Я же говорю – подключить чекистов и послать телеграмму товарищу Жилину. Пусть они разбираются...

Махнув рукой, я злобно ответил:

– Они там уже разбирались. Долго разбирались. Дискуссии, мля, вели. Договориться пытались. Без толку... И ладно бы если эти теоретики просто в своем котле варились. Хрен бы на них. Но ведь они в войска агитаторов засылают. Вот в чем проблема! Поэтому считаю, что подобные начинания

надо давить в зародыше. И вот эта телеграмма, а также факт возможной попытки ареста легендарного комбата, мне развяжет руки. В общем, как говорил один веселый человек: «Сядут все!»

Комиссар, задумавшись, выразил сомнение:

– А вдруг это не они? Вдруг это вообще беляки? Или еще кто...

Придав саркастичности взгляду, я отбил выпад:

– Угу! Ты еще скажи – немцы! Не-е... печёнкой чую, что это наши «товарищи» постарались. Да и по времени подходит. Та сладкая парочка в коже как раз успела добраться до Ростова и дать паническое сообщение. Вот их руководство и приняло меры. – Тут я вспылил: – Биомать! Мудаки ссыкливые! Значит, решили, пока руководство не в курсе, пропихнуть свои идеи. А когда поняли, что это не просто не получилось, а они знатно обосрались, начали дергаться и усугублять.

Буденный, выслушав меня, нахмурился и, потрогав остатки былой роскоши над верхней губой, решительно сказал:

– Я с тобой поеду.

Пришлось возражать:

– Нет. Ты за старшего остаешься. Поедем мы с Бергом. – И предупреждая готового вскинуться Лапина, продолжил: – Для всех – едут только двое. С торжественными проводами и маханием платочками. А автоматчики охраны, через наших контрабандистов, наймут какое-нибудь суденышко и поплы-

вут отдельно. В Таганроге встретимся. Просто есть у меня подозрения, что в Крыму наверняка присутствуют люди из оппозиции, которые должны проследить за Чуром. Проследить и доложить своим, что да как. И не надо делать большие глаза. Не зря же Григоращенко на трибунале напомнил, что еще четыре месяца назад наши матросики такими же долбанутыми были...

В общем, мужиков я убедил. Удалось даже отбиться от их требований взять с собой побольше людей. Смысла в этом не было, так как одиннадцать автоматов на ближней дистанции, если надо, создадут такой вал огня, который местным и не снился.

А потом мы вдвоем загрузились на корабль. Парни же поплыли (хм, не поплыли, а пошли...) в Таганрог на нанятой фелюге. Оттуда в одном поезде, но раздельно, добрались до Ростова. И теперь я парней, смеясь, называл «лошадьями», так как в военной администрации города затребовал теплушку, аргументируя требование именно наличием у меня четвероногого транспорта. Ну а дальше просто дело техники. Автоматчики тайно проникли в вагон, двери прикрыли – и вот мы уже второй день в пути.

Пока я курил, ребята организовали перекус, тронувший меня за плечо Чендиев отвлек от медитативного процесса созерцания:

– Командыр. Пошли кушат.

Да-да. Оставить абрека в Севастополе не получилось. На

Магу не действовали никакие аргументы. Хитрый «чех» за это время обеспечил самыми разнообразными ништяками весь свой аул (там, по-моему, и на ближайшие окрестности хватило), по этому считался в горах весьма уважаемым человеком. Прямо как в той песне – «Тофик умный и отважный, потому что денюга накопил». Хотя, в отличие от фольклорного «Тофика», смелости Магомеду реально не занимать. Да и польза от него вроде и незаметная, но вполне ощутимая. Поэтому жестко приказывать оставаться в расположении не стал. Просто пояснил, что в Москве нам точно никакие трофеи не светят. Что у нас, скорее всего, получится исключительно карательный рейд. Но Чендиев отреагировал в своей неожиданной манере:

– Наказат тэх, кто на Тшура коса сматрэл, это хорошо. Точно надо с тобой иду! Твой враг – мой враг.

Вот и вышло, что в столицу нас едет в общей сложности пятнадцать человек. Все входили в подразделение охраны. Причем каждый отобран лично и скрупулёзно. Мне ведь с этими ребятами очень долго (как я надеюсь) по всему земному шару таскаться. Поэтому при вербовке учитывалось всё – и общая авантюристность характера, и привычка держать язык за зубами, и решительность действий в сложной обстановке, и умение работать как в группе, так и в одиночку. Да там все качества перечислять запаришься. Но самое интересное (тут уж я сильно постарался), что парни, даже в нашей пропитанной самой различной агитацией атмосфере, оставались

достаточно аполитичными. Даже где-то циничными. Однозначно присутствовала личная преданность командиру, а вот в остальном... Для ребят «своими» могли быть и офицер, и боец красного отряда, и простой обыватель. То есть при общении с людьми они смотрели не на классовую принадлежность, а на суть человека.

Хотя в каждом из бойцов эта жилка – жить и судить об окружающих по справедливости – изначально присутствовала. Вот тот же Федор Потапов с Демидом Носовым и остальными приятелями-дембелями пришли на помощь практически незнакомому человеку, помогая мне завалить охреневших от безнаказанности анархистов на станции.

Но, наверное, надо представить всех. Помимо Берга, Потапова и Носова, было еще трое студентов. Михаил Федосов, Алексей Журба и Дмитрий Потоцкий. При этом вся троица из Киевского политеха. Федосов с механического отделения, а Журба с Потоцким с инженерного. Свалили из Киева к родителям в Ростов, когда «небратья» объявили о создании своей республики. Точнее, когда на небольшом митинге в институте схлестнулись с апологетами идеи украинства. Где в бурной дискуссии и доказали их неправоту. Панове, собрав зубы с пола, мрачно пообещали устроить месть. Студенты, не став дожидаться осуществления обещанного (тем более что националисты просто избиением бы не ограничились), покинули город.

Потом уже, в Ростове, наслушавшись моих выступлений,

записались в батальон. Где я их и приметил. Парни – оторви да выбрось! Как их за все художества раньше не выперли из института, не представляю. Может, потому что они, при всем своем бардачном отношении к жизни (чем сильно напоминали современных мне студизов), были очень грамотными ребятами? Во всяком случае, уже сейчас хлопцы советом и руками активно помогали в модернизации нашей техники при работе на заводе.

В «ближниках» охраны присутствовал и бывший офицер. Подпоручик из драгун – Андрей Василенко. Виртуоз сабельного боя, у которого и мне было незазорно поучиться владению длинноклинковым оружием. А то с ножами давно могу обращаться, но вот с саблями как-то не приходилось... Два моремана-сигнальщика: Вячеслав Соболев с Иваном Кутиковым, тоже пришлось в тему. Сильные и ловкие будто пришли не с железных коробок, а с парусного флота, где постоянно по вантам бегать надо. При этом Кутиков, без всяких модификаций, обладал ночным зрением, почти не уступающим моему.

Еще была пара крестьянских парубков из казачьих станиц – Леха Пузякин (худой и длинный парняга с широкими словно лопата ладонями) и шустрый, словно капелька ртути, Богдан Ерема (если что Ерема – это фамилия). Ну а завершали «чертову дюжину» Борис Ивлеев – рукастый паренек с Путиловского, которого я выделил среди пришедших к нам людей Лапина, и Сергей Приштин (в девичестве Со-

ломон Рубинчик) – «дважды угнетенный». Серега получил это прозвище, потому как относился к выкрестам. Папа его, исходя из каких-то внутренних убеждений, внезапно решил сменить веру и, забив на Тору, перекинулся в православие. Вот и получилось, что их семью сначала гоняли в местечке – за превращение в гоев, а потом, после переезда, их же гоняли в городе, но уже как жидов. В результате чего Сергей вырос крепким, драчливым, но не сломленным. У человека был один минус – к евреям Приштин относился просто с огромным предубеждением. Но умел сдерживать порывы души, поэтому прижился.

Что еще сказать за охрану? С ними я дополнительно занимался практически каждый день, и бойцы получились – огонь. А главное – мы все как-то даже мыслили на одной волне, что в целом тоже сильно способствовало душевному равновесию. Нет, у меня все подчиненные в батальоне просто орлы, только вот за ними, как и за любыми солдатами, надо постоянно присматривать, дабы чего не учудили. Но это вполне понятно и привычно. У нас в Афгане с личным составом та же фигня происходила. Нет, не в бою. Там косяков практически не случалось. Зато по возвращении в расположение... Толпа молодых мужиков, пусть даже в умат уставшая после выхода, способна на такие выходки, что уму непостижимо. Не зря говорят – солдаты те же дети, только с большими членами. Вот мы и куролесили, доводя своих офицеров до седых волос. Разумеется, не нарочно, а вследствие от-

сутствия мозгов и присутствия огромного шила в заднице.

Но с десятком охраны все получалось несколько по-другому. С ними взаимоотношения строились, словно с офицерской группой спецназа. Нет, и они учудить могут, но в меньшей степени и с гораздо меньшей частотой. Во всяком случае, окоп для «стрельбы стоя с лошади» рыли всего два раза.

Поэтому сейчас, принимая у хозяйственного Богдана тарелку, я кивнул и, усевшись на нары, отдал должное каше. Пока ел, состав очередной раз остановился. Выглянувший в дверь Журба оповестил:

– Опять на семафоре встали. – И цыкнув зубом, добавил: – Когда только доедем? Это же не езда, а ёрзанье. Каждые полчаса останавливаемся!

Тут он прав. Вот эти – дерг (вагон), блям (сцепка) уже достали. С другой стороны, хорошо, что вообще доехали, а то вчера сказали, что с путями что-то случилось и мы из-за этого ушли на другую ветку. Поэтому прибытие будет не на Казанский, а на Брянский вокзал. Но это все мелочи. Главное – едем. С удовольствием потянувшись, я ответил:

– Да вон, похоже, окраины уже видны, так что скоро на месте будем.

После чего подхватив оставшиеся полбулки хлеба и отпластав кусок от шмата сала, спрыгнул с теплушки на насыпь. Похрустывая редким гравием, прошел вперед до пассажирского вагона и, повернувшись к нему спиной, ударил каблуком по угольному ящику:

– Эй, сова! Открывай – медведь пришел!

В ответ тишина. Но я не успокаивался:

– Мурзилки, не тупите. Паровоз скоро поедет, а вы без шамовки останетесь. У меня тут хлеб белый с салом...

Под вагоном зашебуршало, и на свет божий появилась перемазанная угольной пылью мордаха пацана лет двенадцати. Он недоверчиво окинул меня взглядом, но, заметив продукты в руках, прищурил глаз:

– Чегой-то это ты, дядька, нас словно голубей подманиваешь? Али еды у тя завались? Али жалостливый такой?

Я мотнул головой:

– Нет. Дело есть. А это... – качнув в руке булкой, продолжил: – Задаток.

Мальчишка появился весь и, унюхав запах сала, гулко глотнув, деловито спросил:

– Чё надоть? Токмо сразу скажу, что у нас содомитов нема. Но ежели на стреме постоять надоть, то мы завсегда...

Пришлось успокоить:

– «Бугры»¹ не интересуют. А надо, чтобы вы, когда поезд на вокзал приедет, посмотрели, кто в наш вагон зайти захочет. Ну и нам рассказали.

Мурзилка тряхнул головой:

– Не понял. А сами-то чё? Глаза закроете, шоб их не видеть?

– Нет. Мы раньше выйдем. Ну а вы глянете, кто на вокзале

¹ Одно из жаргонных названий гомосексуалистов в начале века.

в теплушку ломиться станет. И если получится проследить, куда они потом пойдут, то помимо жратвы, еще и деньгами накину.

– Скока?

– Десять рублей дам.

Беспризорник шмыгнул, вытерев нос рукавом, и, показав в улыбке контрастно-белые на черной физиономии зубы, ответил:

– Вот теперича понял. А ежели не получится проследить?

Я пожал плечами:

– Тогда только два фунта белого хлеба и фунт сала. Мы вас ждать на площади будем. С той стороны, где башня с часами. Знаешь, где это?

Собеседник утвердительно кивнул:

– Знаю. Ну ладноть. Заметано! Токмо ситный с салом вперед!

Сунул ему задаток, но мелкий прохиндей попробовал возмутиться:

– Э-э! Всё договоренное давай! А вот десять рублѐв потома.

Я ехидно ухмыльнулся:

– Лохов на рынке поищи. Сладишь дело, тогда и рассчитаемся.

Ничуть не расстроившийся пацан хмыкнул:

– Ну и ладноть... Долго вас ждать-то?

В этот момент паровоз свистнул, и я торопливо ответил:

— Давай грузись обратно. — А когда мелкий нырнул на свое место, добавил: — Ждать недолго. Всяко-разно не больше часа.

После чего, дождавшись, когда мимо начнет проплывать наша теплушка, заскочил внутрь.

Там мужики ждали окончания беседы. Коротко пересказав им содержание переговоров с деструктивным элементом, опять присел на нары и задумался. Ну да — сглупил я. Сглупил! В тот момент, когда думал: «Десять автоматических стволов! Всех запугаем», башка соображала не в ту сторону. Запугать автоматом, конечно, можно. Но лишь того, кто знает, что это такое. А кто не знает? Тут ведь людям лишь про пулеметы известно. Да и не в этом дело...

Ведь как себе представлял — противникам известно, что мы едем вдвоем. То есть для возможного ареста выделяют четыре-пять человек, не больше. Представлялась картина — вот они к нам подходят, такие уверенные в себе, и предлагают сдать оружие. Но их, в свою очередь, окружают десять не улыбкающих рыл. После чего врагов нежно берем за кадык и предлагаем препроводить к начальству. И уже там всех лихо ставим раком. Может даже со стрельбой в том здании, где у них гнездо (тем более что особо жалеть мудаков из военной оппозиции я не собирался).

Но что же получается в натуре? Посмотрев, как всё происходит на крупных станциях, и пообщавшись с проводниками, я сильно приуныл. В той же Москве, при прибытии по-

езда, на перрон выходит человек двадцать бойцов из комендантской роты, которые стоят в оцеплении и помогают при проверке документов пассажиров, заодно отслеживая разных подозрительных типов. Вот и что у нас получается? Те, кто нас попросит сдать оружие, наверняка знакомы солдатам из оцепления. Хотя бы потому, что они заранее их предупредят о своих действиях и покажут мандат. И как тут сопротивляться? Нас ведь никто не знает. А документам, вполне возможно, далеко не сразу поверят. Поэтому бойцы бросятся помогать вязать приезжих бузотеров без всяких раздумий. Но уж если стрелять начнем, то там полвокзала трупов сложится, и Чур из ангела моментально превратится в распоследнего черта.

Исходя из этого, было принято решение ссаживаться с поезда не на вокзале, а на подъездах к нему. Ну и как вариант мелкой пакости – решили все запереть. В теплушке есть две двери и два окна. Вернее, два небольших оконных проема без стекол, но с деревянной ставней, запираемой на щеколду. Двери тоже могли закрываться на накидные крючки. Солидные такие – с палец толщиной. Поэтому фиг дверь откатаешь, пока они закрыты. То есть, пока вагон будут пытаться вскрыть (а это время), мы рассчитываем успеть прибыть на привокзальную площадь, где беспризорники нам укажут, кто конкретно пытался проникнуть внутрь.

В общем, обсудив вчерне план, стали готовиться. А когда уже перед самым въездом в город остановились на очеред-

ном семафоре, то неспешно десантировались, переместившись на тормозную площадку. Правда, там оказалось настолько тесно, что, когда я влез на ступеньку с левой стороны, справа на насыпь чуть не выпал Федосов. Да и с дверью пришлось маленько потрепыхаться, соображая, как же сделать так, чтобы приподнятый крючок в момент закрытия упал в проушину. Но подперли его щепочкой, и все получилось. Ну а потом, стоя на площадке, поехали дальше.

Мимо проплывали какие-то сараи, амбары и, не побоюсь этого слова – лабазы. Черные бревенчатые дома с разновысотными заборами. Какие-то (судя по куче бочек) бондарные мастерские. В общем, Москву я не узнавал категорически. Во всяком случае, с этого ракурса. С другой стороны, а чего я хотел? ТГК «Киевский» увидеть или «Рэдиссон Славянскую»? Хорошо еще, что, когда состав сбавил ход до скорости бегущего трусцой человека, разглядел впереди характерную башенку и арочное покрытие перрона Брянского вокзала. Разглядел и скомандовал своим:

– На выход, братва!

Высадка не вызвала вообще никаких затруднений, и вскоре мы бодрым шагом шагали по дороге, ведущей к привокзальной площади. Шли не толпой, а строем, ибо ничто так не маскирует вооруженных людей, как самое обычное передвижение в колонне. Идут себе бойцы куда-то, значит, так надо. К тому же мы даже замаскировались, сменив приметные береты на самые обычные солдатские фуражки. О го-

ловных уборах я позаботился заранее именно с той целью, чтобы можно было передвигаться по городу, не бросаясь в глаза. О них и о красных повязках, скрывающих морпеховские шевроны. А что касается остальной формы, так сейчас бойцы в чем только ни ходили, поэтому наша выгоревшая «афганка» особого внимания не привлекала.

При этом почти на подходе к месту встретили патруль. Но так как я сам к ним подошел, уточняя дорогу до вокзала, то у нас даже документы не попросили. И даже если бы и спросили, то ничего страшного – с бумагами был полный порядок. Включая командировочные и продовольственные аттестаты.

Успели мы очень даже вовремя. К этому времени еще не все пассажиры успели разойтись и разъехаться. Остановившись с краю площади, возле какой-то скобяной лавки, наблюдали, как мешочники, ругаясь, делят телегу с ломовой лошадьё. Последние извозчики увозили припозднившихся пассажиров, и вскоре привокзальный майдан почти опустел. А я, кивнув в сторону стоящего неподалеку грузовика «Гарфорд» с будкой, предположил:

– Интересная бибика. Давай-ка на всякий случай поближе подтянемся.

Берг удивился:

– Э-э... зачем?

Еще раз оглядев округу, я уверенно пояснил:

– Просто прикинул – если захотят арестовать прямо здесь, то брать нас приедут не два человека. А где-то четверо-пя-

теро. Да и задержанных в чем-то везти надо. То есть должно быть как минимум две пролетки. А то и все три. Или что-то такое, куда сразу влезут шесть-семь человек. Например, грузовик. Из транспорта я наблюдаю лишь телегу, возле которой коробейники свару устроили. И «Гарфорд». Значит что? Правильно! Идем к машине. Там и будем ждать.

Барон хмыкнул, но, уже двигаясь вместе со всеми, предположил:

– А если они вообще пешком пришли?

– Вряд ли. Только в любом случае под деревьями стоять лучше, чем на солнце...

Пока парни устраивались в тенечке, сам пошел к башне, возле которой увидел знакомого беспризорника. Тот, заметив меня, улыбнулся и, с достоинством потягивая найденный окурок самокрутки, двинул навстречу. Вот ни дать ни взять – агент ноль-ноль семь, блестяще выполнивший задание. Правда, от агента сильно пованивало, и он слишком уж по-жигански стрелял глазами, но это уже дело десятое. Главное было в том, что пацан рассказал.

А поведал он про то, как четверо с маузерами и в кожанках сначала стояли отдельной группой возле нашей теплушки. В это время солдаты оцепления выборочно проверяли документы у приехавших. Потом кожаным надоело ждать, и они стали стучать в двери вагона, требуя их открыть. Что случилось позже, мурзилка не знает, так как их компанию солдаты попытались поймать (точнее, просто шуганули), и

беспризорникам пришлось ретироваться с вокзала.

Понятливо кивнув и отдав информатору честно заработанные продукты, сам прошел в здание. После яркого солнца внутри было сумеречно и прохладно. Пахло довольно своеобразно — словно в метро в восьмидесятые. То есть откуда-то тянуло креозотом с легкой примесью машинной смазки. Правда, в эти технические запахи неуловимо вплеталась вонь мочи. Но на других виденных вокзалах еще и говнецом всюду тянуло, так что тут, можно сказать, цивилизация. Общая архитектура самого здания осталась почти без изменений. Те же здоровенные окна с витражами, те же арочные перекрытия в переходах. Разве что убранство победнее. Часов над переходами не было. Люстры совсем другие. Стены какие-то темные. Везде гнутые деревянные лавки. С другой стороны, чего еще ожидать? Пластиковых кресел и информационных панелей? Зато лично мне понравилось множество самых разнообразных латунных деталей интерьера. Но особо долго головой вертеть времени не было, поэтому, пройдя в сторону выхода на перрон, хмыкнул, оглядев увиденное, и спросил у стоящего тут же мужичка с винтовкой:

— А чё тут за суета? Приключилось чего?

Посмотреть было на что. Все пассажиры рассосались, но шевеление не прекратилось. Кожаные, видно отчаявшись забодать двери безмолвного вагона, решили включить мозг. И сейчас двое из них с дальнего края перрона тащили длинную лестницу. Один продолжал вяло постукивать по двери теп-

лушки, требуя, чтобы упрямая избушка повернулась к нему передом. Еще один (видно, старший) ругался с толстеньким обладателем железнодорожного мундира. Тот громко голосил, требуя прекратить незапланированные развлечения на перроне, так как надо убирать состав. Общего оживления добавляли проводники, которые, лузгая семечки, с интересом наблюдали за представлением, и бойцы, пытающиеся загнать любопытствующих пассажиров в здание вокзала.

Мужик же лениво глянул на меня и, поправив винтовку, ответил:

– Не-е... Грят, там какие-то мазурики прикатали, один из которых себя аж за самого Чура выдаёт. Вот их и пытаются из вагона ковырнуть. Токмо сдается, тама никого нетути, а энти дурни зазря копошатся... – Тут он, не выдержав, громко прокомментировал действия кожаных: – Ты еще башкой туды стукани! Дверка-то и отворится!

Я, коротко хохотнув, поинтересовался:

– А лестница им на кой?

Боец предположил:

– Дык, наверное, на крышу хотят забраться и оттель уже окошко попробовать выбить. Там и доска потоньше, и запор должен быть похлипче...

Я уважительно протянул:

– Офигеть, страсти какие...

И кивнув на прощанье, двинул к выходу, попутно обдумывая, что противник все-таки хорошо подготовился. Не зря же

этот мужик сказал насчет мазуриков, один из которых будет выдавать себя за Чура. То есть скорее всего было так – кожаные приехали на вокзал. Показали свои документы. Представились начальству да переговорили с личным составом, по поводу помощи во взятии наглого самозванца. И даже если бы я начал размахивать бумагами, вопя, что «аз есмь», мне бы никто не поверил. Спеленали бы толпой как миленького. Так что мы очень правильно сделали, вовремя смывшись с поезда.

Выйдя из здания, прищурился от яркого солнца и пошел к своим ребятам. Коротко переговорив с ними, направился к «Гарфорду». Развалившийся в кабине шофер по привычке всех водителей мирно кемарил, надвинув на глаза фуражку, и подпрыгнул, когда я тронул его за плечо:

– Эй, товарищ, подъем.

Тот, поправив головной убор и окончательно просыпаясь, недовольно спросил:

– Чего надо?

На что я спокойно ответил:

– Да ничего особенного. Просто я с вокзала. Там твои товарищи каких-то хмырей прищучили, но те в вагоне закрылись. А пути освобождать надо. Поэтому паровоз состав потянет туда, где теплушку отцепят. Это во-он там. За пакгаузами. Ну и тебя попросили сразу на место подъехать.

В принципе, в этом обращении риска не было никакого. Если бы он сейчас на меня вытаращился и сказал, что не по-

нимает, о чем речь, я бы ответил, что ошибся, и на этом всё. Но парень повел себя правильно. Встряхнув головой, прогоняя сонную одурь, удивляться не стал, лишь спросил:

– Куда?

Я ткнул пальцем, и водила вытянул шею, пытаюсь разглядеть указанное, а потом, просяще глянув на меня, выдал коронную фразу всех бомбил моего времени:

– Слушай, браток, дорогу покажешь?

Хрюкнув от неожиданности, но быстро взяв себя в руки, я солидно кивнул:

– А то ж! Только у меня бойцы с собой, так что ты не сильно газуй, чтобы они не потерялись. Нам тоже в ту сторону надо...

Парень, невзирая на важную профессию, оказался вполне компанейский, поэтому сразу предложил:

– Так пускай в будку лезут. У меня там удобно. Даже скамейки есть.

Морпехи, стоящие рядом, кивнули и быстро загрузились, куда указано. Остался лишь Димка Потоцкий. Кто-то ведь должен будет показать кожаным, куда их «мотор» делся. На мгновение у меня мелькнуло было сомнение насчет его «афганки», которая могла вызвать подозрения у противников, но потом я махнул рукой. Здесь такие кители еще не видели, а на газетных фото наши куртки почти неотличимы от английских мундиров, в которых сейчас толпы народа ходят. Так что лишних вопросов не должно возникнуть.

А мы поехали в ту сторону, откуда совсем недавно появились. Просто, когда еще шли на вокзал, совсем недалеко отсюда я видел шикарный тупичок, представляющий собой идущее вдоль глухих высоких заборов ответвление от основной дороги, которое упиралось в рельсы. А еще дальше виднелись кусты, за которыми скрывались какие-то хозпостройки. И вот гляди ж ты, не прошло и пятнадцати минут, как нам эти данные пригодились.

Пока ехали (что тут ехать – триста метров), сидящий за рулем парень в процессе непринужденной болтовни, пару раз искоса глянув на меня, поинтересовался:

– Слушай, товарищ, что-то мне твоя физиономия кажется очень знакомой. Может, встречались где?

Я покладисто кивнул:

– Может, и встречались. Москва ведь городок махонький, тут почти как в деревне – все друг друга видели или знают. – Улыбнувшись, показывая, что это была шутка, переключил внимание на знакомый съезд в тупичок и сразу порекомендовал: – Ты лучше здесь развернись и сразу туда задом сдавай.

Пока водила корячился задом по узенькой дорожке, мы молчали (для нынешних времен езда зад ним ходом – ответственный процесс), а когда наконец мотор был заглушен, поинтересовался:

– Слушай, а ты этих парней в кожанках хорошо знаешь? Парень, за время пути рассказавший, что сам он работа-

ет водителем разъездного транспорта в гараже Моссовета, а на сегодня его придали людям из военной комиссии, пожал плечами, недоуменно ответив:

– Ну... пару раз раньше видал. А чё?

Я пожал плечами:

– Ничего... Просто сдаётся мне, что они очень странные. – Водила удивленно вскинул брови, желая пояснений, а я продолжил: – Ты, браток, сам посуди... Знаешь, кого они там арестовать хотят?

Тот кивнул:

– Говорили, что какого-то мошенника, который себя за красного командира Чура выдает. И что...

Но продолжить он не успел, так как в начале тупика появились «кожаные», сопровождаемые Потоцким. Москвичи на ходу о чем-то спорили, размахивая руками, а увидав грузовик, вообще неприлично разорались, матерно вопрошая: какого, мол, хрена их шоффер, вместо того чтобы ждать на площади, уперся куда-то в далекие е...?

Водила удивленно глянул на меня – мол, «чего шумят?» – но я развел руками:

– Вот! Объяснял же тебе, что они очень странные.

При этом четверка, увидав нас, несколько замедлила ход, но судя по тому, что продолжила приближаться, ничего не заподозрила. Да и чего они могли заподозрить, кроме внезапного слабоумия своего шофера, который вдруг решил переехать на другое место? Да и я, натянув фуражку на нос, не

опускал при этом от лица руку с папироской. Поэтому ловцы человеков меня сразу и не признали. А то, что у них мое фото есть, даже не сомневался. Вон, для той же «Правды» меня столько раз фоткали, что зайти в редакцию и отпечатать снимок с негатива не составит никакого труда. Что-то до них стало доходить, когда до машины осталось метров пять, и я, глубоко затянувшись, отбросил папиросу в сторону. Отбросил и, шагнув навстречу, широко улыбнулся.

Главный из противников (я его еще на перроне приметил по громкости ора) сначала мазнул по мне безразличным взглядом, но секундой позже, вытаращив глаза, сбился с шага. И даже к оружию успел потянуться. Только вот зря. А вообще хочу сказать – как же я обожаю «маузеры» и их владельцев! Этот пистолет – брутальная статусная и дорогая вещь. Носят ее в деревянной кобуре, которая болтается у бедра на длинном ремешке. Выглядит все весьма солидно, но вот приведение его к бою занимает столько времени, что из того же «нагана» половину барабана успеешь выпустить. Поэтому я его владельца оставил напоследок, для начала двумя ударами уложив спутников. Потоцкий тоже ключом не щелкал, вырубая третьего. А владелец большой пушки только-только успел ее вытянуть из кобуры. Угу – теперь ему осталось лишь снять пистолет с предохранителя, взвести, ну а потом он, конечно же, всем ух как покажет! Только кто же ему даст Рэмбо из себя изображать? Без затей влевив «кожаному» под ложечку (он мне говорящий нужен, а

не бессознательный), я без усилий выдернул оружие из ослабевшей руки и передал тело выскочившим из-за грузовика ребятам.

А сам вернулся к транспорту. Водила, при виде происходящей на его глазах экзекуции, попытался было выскочить из-за руля, но стоявший рядом автоматчик не дал этого сделать. И теперь он сидел, вцепившись в руль, и, открыв рот, смотрел, как ребята слаженно избавляют противников от оружия, уволаскивая тела куда-то за машину. Я же, плюхнувшись на сиденье рядом, продолжил разговор:

– Вот так вот, братишка... Пока мы на фронте немчуру с беляками гоняем, здесь контра махровым цветом расцвела. Это же надо придумать – «За Чура себя выдает!» – С этими словами я снял красную повязку, прикрывающую морпеховский шеврон, и, меняя фуражку на поданный одним из моих ребят берет, продолжил: – Сначала Владимира Ильича стрельнули, сделав так, чтобы на уголовников подумали, потом меня из Крыма выдернули. Думаешь, зачем?

Шофер, ошарашенно наблюдая за моим преображением, невольно ответил:

– Не знаю... А вы кто? Не бандиты?

В этот момент появился Берг и, протягивая какую-то бумагу, сказал:

– Товарищ Чур, посмотрите, что у них было.

Тут водилу прорвало:

– Точно! Ты же Чур! Вот прямо как на портрете в «Прав-

де»! Особенно в этом берете! Только почему такой обычный? Говорили, что он роста великанского и в плечах сажень косяя! Хотя не... – собеседник сам в себе усомнился. – На фотографиях остальные товарищи почти с тебя высотой. Значит, и ты нормальный... Так ты что – настоящий?

Я хмыкнул:

– Нет, мля, игрушечный. Сам подумай, какой дурак станет себя выдавать за комбата? Тебе про это и толкуют – поддельной телеграммой вызвали меня в Москву. Хотели арестовать да приморить. Хорошо, верные люди подсказали, что убить меня хотят. Но теперь я всех козлов на свет божий извлекать буду. Во – видал?

Показывая ордер на свой арест, подписанный Каменским, криво ухмыльнулся, обозначая шоферу свое возмущение по поводу беспредела московских контрреволюционеров:

– Сам замнаркома Госконтроля подписал! Так что прикинь, браток, на какой верх эти сволочи пролезли? Пролезли, а потом целую военную оппозицию организовали. Вроде как для недопущения бывших генералов в войска, а на самом деле вишь как оно выходит? Лучших бойцов Красной армии уничтожить хотят!

Впечатленный размерами предательства водила вхолостую открывал и закрывал рот. Я же, разыгрывая эту сцену, преследовал свои цели. Как бы там дальше ни пошло, этот парень ведь молчать не станет. И пойдут по Москве слухи гулять. А слухи – такое дело, что бороться с ними практически

невозможно. При этом, кто такой Чур, народ хорошо знает (ну так еще бы – столько в газетах о его подвигах писать). Так что я в их представлении нечто среднее между Ильей Муромцем и Георгием, поражающим змея. Поэтому, когда люди узнают, что народного героя какие-то хмыри завалить захотели, то я этим хмырям не позавидую.

Ну а потом, оставив парня под присмотром автоматчика, пошел посмотреть, чего еще за это время добыли мои ребята. Тем более что из будки доносилось громкое мычание, перемежаемое торопливыми словами. То есть процесс шел весьма активно. Заглянув внутрь, увидел, что мычит «кожаный» в свою модную фуражку (это когда его поторапливали с ответами), но колется весьма активно. Поэтому по итогам очень быстрого допроса выяснилось, что вороги планировали меня привезти в дом купца-миллионщика Хлынова, что в Чашинском переулке недалеко от Никитского бульвара. Привезти, упаковать и доложить о выполнении задания.

Ну, в общем, как я и ожидал – чекистов к этому делу подключать не решились, так как в этом случае могло возникнуть слишком много ненужных вопросов, вот противники и воспользовались своими силами. Именно поэтому и дом купца, и такие неумехи в группе захвата. Нет, чекисты тоже в массе своей пока не блещут, но эти уж совсем какие-то лохи. А уж если учесть, что все их действия были насквозь противозаконными (ну не было у них никаких прав меня арестовывать, даже если бы я был насквозь жуликом), то коли-

чество косяков за «оппозиционерами» возрастало с каждым шагом.

У меня же прямо наоборот – как командир отдельного специального подразделения Красной армии, я должен был немедленно пресекать все проявления контрреволюции, вплоть до расстрела на месте. Вот получается, что и пресекаю...

Далее Марк (так звали «кожаного») поведал, что он успел доложить по телефону о провале задания, и теперь его очень ждут для выяснения подробностей. При этом ждет не кто-нибудь, а сам Абрам Захарович. Также выяснилось, что при нем обычно находится двое охранников, да в самом здании постоянно пребывает от трех до пяти человек.

В общем, что тут говорить – поехали мы в Чашинский переулок. Перед этим я дал распоряжение надеть все награды, поэтому восторженно косивший в мою сторону водитель всю дорогу не умолкая трещал, то выпытывая подробности наших геройств, то злобно ругая просочившихся в верха предателей.

Проезжая по Средне-Пресненской и увидав вывеску акционерного общества «Столярова и К°», попросил притормозить. «Гарфорд», пронзительно скрипнув тормозами, застыл возле входа, а я, пройдя внутрь, поинтересовался у сидящего за конторкой гражданина, где у них телефон. Тот, глядя на ордена и ремни амуниции, даже вопросов не стал задавать, тут же проведя меня на второй этаж. Там, отперев

дверь, широким жестом указывая на большой черный аппарат с латунным чашечками, произнес:

– Прошу-с вас.

Сняв трубку и крутнув ручку, дождался ответа оператора (да-да, той самой легендарной барышни), после чего попросил соединения с названным номером. А когда мне ответили, выдал несколько кодированных фраз и назвал адрес, где меня надо искать. После чего вежливо поблагодарив служащего «АО», спустился к машине. Ну вот. Дело сделано. Теперь Жилин в курсе, что я прибыл.

Хм, а вы что думали? Что отмороженный на всю голову Чур рванет в столицу самостоятельно разбираться с противником? В одну морду? Ага, как в том анекдоте – с голой пяткой против шашки. Ну уж нет. У нас с Жилиным были свои ходы на самые разные случаи жизни. Поэтому еще в Таганроге я, не афишируя, встретился со своим человеком – самым обычным парнем, работающим на железной дороге. Потихому передал ему текст послания для отправки в Москву. Конечно же не на имя и. о. предсовнаркома. Вовсе нет. Павел просто дал телеграмму своему «кузену». Текст совершенно нейтральный – насчет заболевшей тетушки и поехавшей ее проведать сестры. А уже в Ростове я получил подтверждение получения этой телеграммы (которое означало, что Иван в курсе моего выезда) и с чистой совестью отправился в столицу.

Так что сейчас мы будем действовать по второму вари-

анту. При этом прикрытие и сам Жилин моим теперешним звонком уже извещены о месте, где все будет происходить. А это значит, что для некоторых неразумных «товарищей» тридцать седьмой год наступит несколько ранее, чем положено по календарю, и кровавая гэбня (в данном случае «кровавая матросня») начнет их заживо репрессировать уже сегодня. Возможно, не по одному разу. Они, падлы, мне еще и за Севастополь ответят. Хотя это вроде из другой оперы, но все равно ответят! Ну и заодно поймут, что в сторону Чура лучше косо не смотреть.

Глава 2

Дом купца утопал в цветах и липах, словно зефирина в торте. Да и выглядел очень даже ничего – белокаменный, с какими-то декоративными башенками и здоровенным крыльцом чуть ли не из гранита. Красивый забор из кованых прутьев лишь подчеркивал тот факт, что у купчины был хороший вкус. Но в данный момент миллионщиком здесь не пахло, так как из открытого окна второго этажа доносились чьи-то матерные вопли. Там, судя по всему, говорили по телефону и грозно распекали какого-то «товарища Зуйкина». При этом обороты были такие, что заслушался даже стоящий на другой стороне улицы извозчик. Ухмыльнувшись услышанному, я спросил у водилы:

– Браток, ты нас здесь подождешь или сразу к себе поедешь?

Тот, пребывая в предчувствиях наблюдения будущего интересного действия, решительно ответил:

– Мне путевку до вечера выписали. До восемнадцати ноль-ноль. Так что, товарищ Чур, с вами останусь. Вдруг вам еще куда надо будет проехать или какая помощь понадобится?

Кивнув, пояснил свою позицию:

– Вот и хорошо. Тогда мы троих пленных пока у тебя в будке оставим. И парня нашего, чтобы он за ними присмотр-

рел.

– А четвертого куда?

Я пожал плечами:

– Ну кто-то же нам должен показать, где контрики сидят... – После чего, сойдя на густо усыпанную шелухой от семечек мостовую, негромко скомандовал: – К машине! Марка забирайте с собой. Журба – на охране остальных!

Дверь будки открылась, и через несколько секунд мы двинули к зданию. Кстати, с этим строением тоже интересная история приключилась. Сей пряничный домик, вполне официально, отжала себе группа партийных товарищей для различных неформальных встреч, превратив его в эдакий небольшой клуб для единомышленников. Точнее, в один из клубов, потому что подобных домов для самых разных партий, фракций, групп, группировок и даже просто заводских организаций в Москве было превеликое множество. В рабочее время там обычно было пусто, но вечерами народ собирался для встреч и дискуссий.

Вот нас и хотели притащить в эту купеческую недвижимость днем, пока там почти никого из непосвященных не было. Зато был шикарный подвал... И как я ржал, когда узнал, кого же именно послали арестовывать легендарного Чура! Нет, и среди оппозиции были неплохие спецы, но они все в основном пребывали на фронте. Вот тут и возник вопрос – кто будет вязать зловредного морпеха? Ну не руководству же ехать? Чекистов к этому делу не привлечешь. С вояками то-

же связываться чревато. Поэтому Каменский, снабдив грозной бумагой, послал тех, в ком был уверен и кто не стал бы распускать язык. А именно – трех порученцев и адъютанта. Сука! Он бы еще секретаршу на задержание направил!

Но, с другой стороны, ожидали-то они всего двоих. Да плюс заручились поддержкой комендантского взвода на вокзале. Так что расчет был достаточно верный. Скрутили бы нас там в любом случае. Только вот не срослось... Поэтому сейчас адъютант имеет бледный вид и связанные руки, а мы, с оружием и решительным настроем, поднимаемся по ступенькам.

Сразу за большой резной дверью наткнулись на вахтера. Ну, или не знаю, как назвать человека, сидящего за столом возле входа. Судя по тому, насколько быстро он выдернул палец из носа, вахтер был занят добыванием козявок, но увидев нас, моментально прервался и, незаметно вытерев палец о штанину, вежливо спросил:

– Товарищи, вы к кому?

Я в ответ не менее вежливо пояснил:

– Мы к гражданину Каменскому Абраму Захаровичу. Он же здесь находится?

С ответом попарь замешкался, так как разглядел в толпе слегка помятого Марка и недоуменно спросил:

– Э-э... но это же наш товарищ – Марк Пукерман! Почему он связан?

Подняв палец и акцентируя на нем внимание собеседни-

ка, я многозначительно и исчерпывающе ответил:

– Потому что! – выдержав паузу, продолжил: – Но я не слышал насчет Каменского. Он здесь?

Вахтер, растерянно кивнув, промямлил:

– Да... на втором этаже, в кабинете должен быть... А вы из военной коллегии?

Я отрицательно мотнул головой:

– Мы из морской пехоты.

И обращаясь к парням, приказал:

– Соболев, Ивлеев, Пузякин – контроль входа. Мага, Берг – за мной. Остальные – проверка здания. – И слегка пихнув Пукермана, предложил: – Веди, Сусанин.

По широкой лестнице, покрытой темно-синей дорожкой, прижатой к ступеням латунными штангами, поднялись наверх. А потом, следуя указанию печального Марка, я без стука открыл одну из дверей. Первое, что увидел, был здоровенный стол, за которым восседал какой-то взъерошенный тип гражданской наружности. Второй, в форме без знаков различия, показался смутно знакомым, но вспоминать его не было времени, так как гражданский вытаращился на меня и, перебегая взглядом то на Пукермана, то на моих парней, сипло произнес:

– Это... это как?

Ха, а он меня знает! Вон как задергался. Поэтому без особых сомнений я выдернул из кармана ордер на свой арест и, пустив лист по столу, задал простой вопрос:

– Твоя подпись?

Пока тот разворачивал бумагу, в разговор вмешался хмырь в форме:

– Товарищи, вы кто такие? И по какому праву сюда ворвались?

Военный (или не военный?) все-таки очень кого-то напоминал, поэтому на всякий случай я культурно пояснил:

– Я – Чур. Да, да – тот самый командир батальона морской пехоты. А насчет того, зачем сюда пришли... Просто мне очень интересно, зачем эта падла меня выдернула с фронта и почему хотела убить?

Каменский возмутился:

– Что за бред! Никто вас не собирался убивать!

Быстро сблизившись и несильным ударом в лоб уронив оппонента вместе со стулом на пол, я шипяще произнес:

– Ты, контра, это трибуналу рассказывать будешь. Хотел или не хотел... Вот у меня подложная телеграмма. Вот ордер на мой арест. Так что, кранты тебе, гнида! За покушение на убийство красного командира тебе мигом лоб зеленкой намажут! Чтобы пуля инфекцию в башку не занесла!

Стоящий в стороне военный, увидев экзекуцию, схватился было за кобуру, но тут же согнулся, получив от Чендиева крепкий удар между ног. И тут же разогнулся, поймав вторую плюху мягким кавказским сапожком по физиономии. После чего довольный Мага уселся на поверженного противника сверху и принялся сноровисто освобождать слабо ску-

лящее тело от оружия. Хотя (судя по мелькнувшей часовой цепочке) не только от оружия.

А сбитый с ног гражданский, отпихивая от себя стул, попытался встать. Но я не дал этого сделать, наступив ему на ногу и рывкнув:

– Лежать, тварь! Вот леж и рассказывай, кто еще входит в ваше контрреволюционное кубло? Колись, а то я тебя прямо здесь на ленточки для бескозырок пушу!

Такое впечатление, что Каменского очень давно не били. В смысле вот так, без затей, прямо на дому. Может быть, он и героический подпольщик, не боящийся смерти, но сейчас человек просто потерялся. Поэтому глянув на склонившуюся над ним озверевшую морду и увидев нож в моей руке, Абрам Захарович завопил:

– Вы с ума сошли! Уберите нож!

Но вместо этого, уперев тупую сторону лезвия под подбородок «оппозиционера» и усиливая нажим, скрипя зубами (для большего устрашения), я прохрипел:

– Гаплык тебе, если молчать будешь. Вот как «ноль» скажу, так и умоюсь твоей кровушкой! Пять. Четыре. Три...

Сказать «два» не успел, так как «пламенный революционер» от столь сурового наезда тут же раскололся:

– Нет! Прекратите! Никто вас убивать не хотел! Мы просто думали вас задержать и обменять на товарища Зильберт!

Убрав нож от шеи и уперев его кончик под нижнее веко, я напористо рывкнул:

– Мы? Кто это «мы»? Фамилии! Фамилии давай, а то зрения лишу! Будешь, падла, на ощупь кишки в брюхо запихивать!

В общем, что такое легкий (даже без членовредительства) экспресс-допрос, Каменский тоже не знал. Наверное, в полиции, где допрашивали героического подпольщика, такого не практиковали. А я, не давая ему собраться с мыслями, гнал и гнал вопросы дальше, на ходу придумывая сбивающие с толку дикие обвинения, перемежаемые не менее дикими угрозами и ломая на корню попытки хоть о чем-то умолчать. Сидящий за столом Берг едва успевал записывать.

А прервал нас шум нескольких подъехавших машин, и буквально через пару минут в дверях появился Соболев, который несколько растерянно доложил:

– Командир, там товарищ Жилин и с ним еще какие-то люди...

Внутренне подивившись (ну надо же – мои орлы задержали самого председателя СНК прямо на входе), я махнул рукой:

– Пропустите всех.

Козырнув, Славка исчез, и вскоре вместо него нарисовался Иван. «Каких-то людей» тоже хватало, так как помимо Жилина в кабинет ввалилось человек пять. И почти все были мне знакомы! Уж Дзержинского не узнать было невозможно. Правда, он был не в шинели, а просто в гимнастерке, но вот это острое лицо и дон-кихотовская бородка не оставля-

ли никаких сомнений в определении личности. Следом за ним шел Мишка Леонтьев – порученец Жилина. Еще двоих не знал (скорее всего, парни из чекистов), зато вошедший предпоследним заставил удивленно цыкнуть зубом. Надо же, какая встреча! Нас посетил будущий лучший друг советских физкультурников и шахтеров! Без трубки, но зато в усах! Лично товарищ Сталин. Иосиф свет Виссарионович. Правда, ему сильно не хватало привычной по фильмам вальяжности, и сейчас «дядя Джо» выглядел просто немного состаренной и чуть более облагороженной копией Маги. Во всяком случае, блеск в глазах и порывистость движений не оставляли никаких сомнений – такой ножом пырнет, даже не поморщившись. Абрек абреком.

При виде вошедших связанный вояка, заелозив на полу, начал мычать сквозь кляп, а Каменский завопил:

– Товарищ Дзержинский! Слава богу! Уберите от меня этого сумасшедшего! Он здесь...

Но получив легкий пинок от Чендиева, замолк на полуслове. А я, привычно козырнув, сказал:

– Здравствуйте, товарищи! Очень хорошо, что вы пришли. Особенно рад Феликсу Эдмундовичу. Мы тут немного вашу работу выполнили, так что можете принимать субчиков для дальнейшей обработки. – Взяв у барона листы, протянул их главе ВЧК. – Вот список членов подрывной контрреволюционной организации, часть из которых проникла в структуры руководства республики.

Подняв брови, Дзержинский взял бумаги и, мелькомглянув на них, тихо спросил:

– Контрреволюционной? А в чем конкретно вы их обвиняете?

Я, злобно покосившись на лежащего Каменского, четко доложил:

– В попытке развала регулярных частей Красной армии Южного и Крымского фронтов. В попытке помощи украинским националистами и немецким оккупантам в их действиях, предпринятых для захвата Черноморского флота. В попытке убийства командира подразделения Красной армии.

Главный чекист от столь лихого наезда опешил:

– Это очень серьезные обвинения. А доказательства у вас имеются?

Я кивнул:

– Разумеется! Во время подготовки к рейду по тылам противника вражеская агентура, прикрываясь документами от ВЦИК, проникла в отдельный батальон морской пехоты, где призывала командование избавиться от части ротных и взводных командиров. Тем самым желая подорвать боеготовность подразделения. Также они призывали рядовой состав к неподчинению. Тем самым пытаясь полностью разложить батальон. А когда эти агенты были арестованы и осуждены решением трибунала, их московские главари ударились в панику, решив обезглавить готовящуюся к боям воинскую часть. Вот подложная телеграмма о вызове меня в столицу.

А вот ордер на мой арест. То есть эти люди были глубоко разочарованы провалом своих поделльников на фронте и решили отомстить, вызвав меня в Москву, где думали арестовать и уничтожить.

Абрам Захарович трепыхнулся под ногой:

– Это навет! Не верьте ему, товарищи! Никто никого убивать не собирался!

Но тут вмешался Жилин. Брезгливо оглядев поверженных оппозиционеров, он предложил:

– Товарищ Чур, сойдите с товарища Каменского и скажите своим людям, чтобы они развязали товарища Ворошилова. И кляп из него выньте. А то мычит чего-то, а о чем мычит, непонятно...

Повинуясь просьбе главы государства, противники были подняты и усажены за стол. К этому времени у Ворошилова (так вот почему он мне показался таким знакомым!) перестала заклинивать челюсть, и он разразился замысловатыми ругательствами. Нет, до моих матросиков ему было далеко, но видно, что человек старается. Правда, слушали его не долго – буквально несколько секунд, после чего я, сделав два шага, наклонился над моментально замолчавшим скандалистом и веско произнес:

– Не на базаре. Перед тобой руководители правительства, а ты погаными словами тут всех кроешь. Хотя... – Задумчиво почесав подбородок, я глянул в сторону Дзержинского, протянув: – Ворошилов... Ворошилов... Стоп! Он ведь тоже

в списке есть? Ну, тогда понятно, чего из него говно льется. Не может вражина сдержатъ своей звериной ненависти!

Тут и Каменский и Ворошилов завопили на два голоса. Ну как завопили? Принялись отмазываться перед всеми, желая хоть как-то оправдать свою позицию. Жилин на пару с Дзержинским стали задавать вопросы, а сладкая парочка (печального Марка давно из комнаты выдворили), захлебываясь, пыталась объяснить.

Я же какое-то время посидел за столом, отпуская едкие комментирующие реплики, а потом, закулив, переместился к окошку, откуда молча наблюдал за происходящим. Как ни странно, ко мне присоединился Иосиф Виссарионович. Также достав очередную папироску (в комнате все дымили как паровозы), он какое-то время помолчал, слушая разговор, а потом, наклонившись к моему уху, тихонько спросил:

– Товарищ Чур, ви действительно прыговорылы к расстрелу товарища Зильберт?

Отрицательно мотнув головой, я спокойно ответил:

– Нет. Ее прыговорил трибунал.

Сталин, задумчиво вздохнув, решил взять меня на понт:

– Но на втором съезде смэртная казн была отмэнена...

Я покачал пальцем:

– Кроме как за активную контрреволюционную деятельность, убийство и разбой². Кстати, гражданка Зильберт была

² Реально смертная казнь была полностью отменена на 2-м съезде Советов 28 октября 1917 года. Но 5 сентября 1918 года в связи с принятием решения СНК

приговорена именно за КРД.

Не смутившись отлупом, собеседник уточнил:

– Но она жива?

Я вздохнул:

– Жива... чего ей сделается? Но если через три месяца позицию не поменяет, то приговор будет приведен в исполнение.

Сталин на какое-то время задумался и тихо ответил:

– Я ее знаю. Она нэ поменяет своих взглядов... Но это вэрный товарищ. Настоящий революционер. Таких волэвых товарищей мало...

Выпустив клуб дыма, я в упор посмотрел на собеседника:

– Понимаю. В нашей жизни кадры решают всё. Их надо всячески беречь. Только ведь сейчас вреда от нее гораздо больше, чем пользы. И я даже не знаю, куда эту пламенную особу можно пристроить, чтобы ее деятельность не разрушала все, что мы создаем.

Тот помолчал и неожиданно выдал:

– А еслы я... Лычно я возму ее на поруки? Я знаю, чэм ее можно занят. Ви мнэ доверяете?

Вот офигеть! До этого наши пути никак не пересекались, только по газетным статьям друг о друге могли судить, а тут сразу – «доверяешь?». С другой стороны, зная кавказский менталитет, сказать «нет» сейчас, это вот так вот с ходу испортить отношения и занять если не врага, то стойкого

недоброжелателя. Причем недоброжелателя, оскорбленного в своих лучших чувствах. На личностной, так сказать, основе. Блин... мелькнула было мысль просто предупредить Сталина, что это весьма серьезный шаг. Хотел привести в пример Михайловского с Бергом. Это когда Виктор, при взятии на поруки, голову свою в залог поставил. Хотел, но, честно говоря, быстренько передумал. Нет, нынешний собеседник пока и близко не напоминал одного из самых сильных правителей России, под руководством которого была выиграна страшнейшая война. Не напоминал он и человека, от воли которого ссался весь просвещенный Запад. М-да... не напоминал. Таким он станет (если станет) только лет через двадцать – двадцать пять. Но я-то знал, какой потенциал таится в этом грузине. И на пустом месте конфликтовать не хотелось. Тем более что «донна Роза» мне никуда не уперлась.

Поэтому на прямой вопрос просто кивнул:

– Вам – доверяю. Наслышан о вас от товарища Жилина. Так что можете ее забирать.

Собеседник важно наклонил голову:

– Благодарю.

Как культурный человек, я не стал напоминать о необходимости проведения повторного заседания трибунала о дисконировании предыдущих обвинений. Иосиф Виссарионович не дурак, он и сам догадается. Также не стал говорить и о том, что в списках оппозиции, надиктованных Каменским,

фамилия Джугашвили тоже присутствовала³. Вместо этого просто улыбнулся:

– Не за что. Только у меня встречная просьба будет.

– Сталин вопросительно посмотрел на меня. – Может быть, имеет смысл сразу договориться о правилах поведения на будущее? Так скажем, во избежание потерь нужных людей. Допустим, в вашей власти находится жизнь или свобода какого-то индивидуума. Но если за него поручился тот, кому вы доверяете, то человек должен быть отпущен. Хоть из тюрьмы, хоть от расстрельной стенки. Отпущен и передан товарищу, который за него поручился.

Собеседник задумался:

– В принципе, так можно сделать. А у вас что – уже кто-то ест на примёте?

Фыркнув, я отрицательно мотнул головой:

– Нет. На примете никого нет. Просто часто бывает так, что мы не можем оценить полезность определенного человека для какого-то определенного дела. И начинаем махать шашкой, не понимая его ценности. Вот как пример – товарищ Роза. Я бы ее шлепнул не задумываясь, потому как пользы от этой особы не вижу вообще. Но вы эту пользу явно видите. Не буду даже спрашивать, на каком направлении вы хотите использовать Зильберт, просто понимаю, что для вас это ценный кадр. А кадры, повторюсь, решают всё!

Сталин надолго замолк, лишь иногда раздраженно дергая

³ И. В. Сталин реально одно время входил в военную оппозицию.

щекой на особо громкие вопли, доносящиеся от стола, а потом тихо произнес:

– Хорошо. Ваше предложение – интересное предложение. И я готов его принять.

Я кивнул:

– Вот и славно. Так что в будущем, надеюсь, не будет казусов, подобных сегодняшнему. Не придется крутить странные операции, а достаточно просто телеграфировать о своем желании.

Виссарионыч мрачно посмотрел в сторону разборок и сокрушенно выдохнул:

– Нэ понымаю, чэм они вообщэ думали, когда это дэло затевали... Повэртэ, я об этом нэ знал...

– Верю.

Отделавшись одним словом, больше ничего комментировать не стал. А воспрянувший от моего короткого ответа собеседник тем временем стал задавать вопросы о наших действиях в тылах противника. Какое-то время пообщались, но потом пришлось прерваться, так как краем уха услышал спич Каменского и пошел обратно к столу. Разбираться. К этому времени наезды на залетчиков несколько прекратились, и Абрам Захарович оседлал своего любимого конька:

– Поймите, товарищи, царским офицерам не место в рядах Красной армии! Нам часто указывали, что ведение войны – это такая тонкая штука, что без военных специалистов мы никак обойтись не можем. Но на фронте им не место.

Послать какого-нибудь генерала вести войну против однокашника, генерала Краснова – это все равно, что поставить охранять овец от бурого медведя серого волка... Пусть будут невинные ошибки наших доморощенных рядовых, – они менее принесут вреда, чем злостная, хитрая механика николаевских военных специалистов!⁴

Я же, нависнув над столом, упер взгляд в замолчавшего Абрама Захаровича и спросил:

– Слушай, гражданин Каменский, ты действительно идиот или просто других за недоумков держишь? О каких генералах ты тут речь ведешь? Это и ежу понятно, что если сейчас во главе армии поставить царский генералитет, командирами дивизий, полков и так далее поставить царских офицеров и ввести жесткую дисциплину среди рядового личного состава, то мы получим пистолет, направленный нам в лоб! Тогда эта созданная нами армия нас же и сметет! Только вот почему ты говоришь исключительно о генералах? А?

Держинский заинтересовался:

– Не поясните, что вы имеете в виду?

– Конечно, поясню. – Выпрямившись, я ткнул пальцем: – Вот этот провокатор говорит исключительно о генералах, специально доводя ситуацию до абсурда. Но кто же их хочет видеть в Красной армии? Да никто! Нам они сейчас совершенно не нужны. Скажу за свою зону ответственности – на

⁴ Реальные (и на первый взгляд довольно здравые) слова Каменского, сказанные им в статье «Давно пора» 25 декабря 1918 года.

Южном и Крымском фронтах Фрунзе и Матюшин отлично справляются без всяких генералов.

Тут влез Сталин:

– Я что-то вас все равно не понимаю.

Остальные согласно закивали, и я, подняв руку, призывая к тишине, продолжил:

– Поясню на примере своего подразделения. Когда ко мне попала под командование сотня матросов, это был откровенный сброд. Они могли послать по матушке командира. Они могли не выполнить приказ. Они могли быть просто пьяными! При этом они же являлись наиболее сознательными революционными бойцами. То есть лучшими из тех, кто у нас вообще был. Только вот этих «лучших» три десятка офицеров в прямом бою положили бы, не особо почесавшись! Просто за счет своего опыта, спаянности и дисциплины. Поэтому первое, что я стал делать – это наводить порядок в батальоне. А вот этот хмырь, – опять тычок пальцем в «оппортуниста», – отрицает армейскую дисциплину! Тем самым пытаясь выбить краеугольный камень основы любого воинского формирования!

Каменский решил вякнуть:

– Не так! Мы отрицаем царскую палочную дисциплину, призывая к осознанной революционной дисциплине!

Я отмахнулся:

– Хрень полная! Не зря ведь я вам сказал про «сознательных бойцов» и свои первые впечатления от встречи с ними!

Так что уясните одно – в армии демократии быть не может! Ясно? А то, что необходимая воинская дисциплина дополняется революционной сознательностью, то это лишь увеличивает боевую стойкость подразделения! Это я вам ответственно заявляю, как командир одного из лучших подразделений Красной армии!

Дзержинский скупно улыбнулся (так, наверное, сотни лет назад улыбался сам Торквемада) и, поощрительно кивнув, поддержал:

– Не одного из лучших, а лучшего подразделения. Единственного, награжденного высшим орденом Советской Республики. Но вы продолжайте. Извините, что перебил...

Кивнув, я стал пояснять дальше:

– Что касается офицеров – их у меня вполне хватает. И каждый, прежде чем быть принятым на службу, проходил собеседование со мной, с комиссаром и в некоторых случаях с матросским комитетом. И в основном они все, слышите – все, начинали с рядовых!

Тут хитро сверкнул глазами Сталин:

– А как же Михайловский?

Я, сохраняя серьезность, доложил:

– Виктор Евсеевич Михайловский – бывший поручик Императорской армии. Один из немногих офицеров, что сразу получил взвод под командование, потому что не только являлся воинским специалистом высокого класса, но и по своим морально-волевым качествам быстро был принят мат-

росским коллективом. Заостряю внимание – матросским! То есть с теми, кто офицеров резал с шутками и прибаутками! Но продолжим... На данном момент он трижды орденосодец. Как и за что был награжден, вы все прекрасно знаете, так как каждый факт был описан в газетах, в частности в «Правде». Сейчас он, помимо основного дела, занят проработкой тактики применения небронированных и легкобронированных пулеметно-пушечных средств в маневренной войне. О степени доверия к нему говорит тот факт, что в случае выбывания из строя командира батальона его место занимает Михайловский. Данное решение подтверждено матросским комитетом и доведено до командования.

Тут я нисколько не соврал, так как оставленный сейчас на хозяйстве Буденный нас рано или поздно покинет. Ему еще конную армию создавать. А Витька от батальона уже никуда не денется. После доклада мрачно обвел всех взглядом и, остановившись на Каменском, обличительно заявил:

– А гражданка Зильберт предлагала Михайловского выгнать из армии. И будь ее воля, так вообще расстреляла бы героического краскома. Просто за то, что он бывший офицер. – После чего, добавив злобы в голос, продолжил: – Вы, товари, вообще соображаете, что творите?

Абрам Захарович прокашлялся:

– Скорее всего, вы с товарищем Розой друг друга не совсем поняли и...

Я перебил:

– Поняли мы друг друга отлично. У меня даже свидетель есть. Вот он – Евгений Берг. Орденоносец. Начинал в батальоне рядовым. Сейчас – командир отделения. И его роль в захвате вражеского бронепоезда тоже очень хорошо в «Правде» описана! Так что этот герой врать не станет. Поэтому – не надо ля-ля!

Ворошилов попытался исправить ситуацию, переобуваясь на ходу:

– Хорошо. Насчет младшего офицерского состава мы готовы обсудить ваши предложения. Но ведь в основном наши опасения были связаны с высшими чинами...

Я ухмыльнулся:

– Полковник Матвеев (тут чуть приврал насчет звания) помначштаба восьмой армии, после освобождения из немецкого плена, служил в батальоне рядовым во взводе обеспечения. Служил и не жужжал! При этом показал себя так, что когда заявление о вступлении в нашу партию подал, то рекомендацию ему дал сам комиссар Лапин! Это показатель? И сейчас он у меня – начальник штаба. А насчет генералов скажу так – их на всю Россию было меньше четырехсот человек. И из-за этих четырех сотен вы хотите угробить всю нарождающуюся Красную армию? Не выйдет! Что же касается обсуждения предложений... Хватит! Вы уже дообсуждались! Еще месяц назад в этих дебатах была поставлена точка. И если вздумаете продолжать, то со всей пролетарской ненавистью заявляю: лично тебе и тебе уши отрежу!

Каменский, поперхнувшись, завопил:

– Товарищи, да что же это такое? Что за варварство? То он нас ножом пугал, теперь уши грозит отрезать. А потом что? На кол захочет посадить?

Жилин хлопнул ладонью по столу:

– Хватит! Хватит предлагать свои идеи товарищу Сварову! У него и без вас фантазия богатая! Вон – украинские националисты до сих пор толком не могут понять, как именно он уничтожил все руководство ударного корпуса. Ни ран, ни синяков, просто шеи как у курят свернуты! Так что я на вашем месте бы сильно задумался. Тем более что товарищ Чур если чего-то обещает, то всегда сдерживает свои обещания. Об этом уже вся страна знает. И только вы не в курсе!

Я же мрачно добавил:

– На кол? Хм... Что скажу – если ушей не жалко, то хоть задницы пожалейте! – а после паузы продолжил: – Поэтому предлагаю вообще закончить все разговоры по этому поводу. Есть решение правительства. Есть утвержденный устав. И пока Владимира Ильича не ранили, никто из этих хмырей и вякнуть не смел! А теперь что – гидра контрреволюции почувствовала нашу слабость и решила поднять голову? Так мы эту голову снесем в момент! И начнем прямо сейчас!

Насчет «вякнуть» я, конечно, несколько загнул, так как оппозиционеры и при Ленине воду мутили весьма активно. А особенно взвыли после того, как было принято решение, что бывшим офицерам, вступившим в Красную армию на

любую должность, еще и доплачивали за последнее звание. Причем вилка была от восьмидесяти и аж до двухсот рублей. Прикидываю, какие по этому поводу в верхах шли дебаты, но победило мнение Жилина, который на пальцах разъяснил, что лучше сейчас платить пару-тройку миллионов в месяц, чем в боях с этими же людьми терять в десять раз больше. Плюс он учел инфляцию, которая показывала, что к началу следующего года счет пойдет не на рубли, а на десятки тысяч, поэтому выплаты превратятся в пшик. Но зато в результате этого маневра мы выиграем необходимое время. «Товарищи» тогда побывковали, но довольно быстро утомонились. Тем более что деньги реально были, так как царский золотой запас жилинцы успели перетащить в Москву.

Но теперь «военная оппозиция» решила, пользуясь случаем, трепыхнуться. Ничего... трепыхалки пообломаем. И думаю, что после сегодняшнего граждане революционеры поймут, что в этом мире есть люди, еще более отмороженные на голову, чем они. Причем – люди действия. Поэтому я и вел себя так, будто в любую секунду могу сорваться, покрыв «врагов» в мелкую капусту. И судя по всему, это получалось хорошо, так как после моих слов даже сам Дзержинский несколько взволновался:

– Товарищ Сварогов, не надо торопиться с выводами. Все должно быть по закону.

Я кивнул:

– Полностью поддерживаю! Поэтому предлагаю всех раз-

работчиков и участников данной провокации немедленно предать суду трибунала за контрреволюционную деятельность и попытку покушения!

Тут поднялся шум, в котором все приняли активное участие, и через какое-то время начался торг. В результате договорились – оппозиция больше своих эмиссаров в войска не посылает. Палки в колеса не вставляет. Что дискутировать это нормально, но хоть какие-то реальные действия можно предпринимать только лишь при предварительном, документально утвержденном полном согласии сторон. Любая партизанщина будет караться. Вообще говорили много и о разном, но в конце концов пришли к какому-то знаменателью. К этому времени я уже перестал взрыкивать, бросая на оппонентов кровожадные взгляды. А уже на последних минутах вдруг выяснилось, что вот этот великолепный особняк отходит мне, так как отныне тут будет размещено представительство морской пехоты Российской республики. При этом никто даже особо не возражал. Я, чтобы не выглядеть идиотом, держал морду кирпичом и лишь кивнул, принимая это решение.

В общем, противники обделались легким (или не очень легким) испугом, я показал себя столичному люду и на этом все закончилось. Единственно только непонятно – зачем Жилин насчет этого купеческого домика вопрос поднял? Какое на фиг «представительство»? С другой стороны, как точка для базы и связи должно получиться вполне нормально.

А потом все разъехались. Четыре стоящих на улице автомобиля приняли в себя высокопоставленных пассажиров. Ну а остальные, которые чином поменьше, разошлись пешком. Их, помимо плененной четвёрки, еще пятеро оказалось. При этом, отпуская Марка со товарищи, я, ласково улыбаясь, порекомендовал в следующий раз не влипать в подобные блудняки. В противном случае они могут не досчитаться каких-то важных частей тела. Те, кажись, прониклись. Во всяком случае, стояли бледные и кивали так, что я думал, у них бошки поотваливаются. Но нет – шеи оказались крепкие. Ну а дальше, словно в песне: «Испортив воздух, фраер, как иллюзионист, под стук колес моментом испарился». Стука колес правда не было, а то, что кто-то из бывших пленных оказался несколько не сдержан, так это может быть, просто съел чего-то не то. Но испарились они реально быстро. Без всякой брочки, до ближайшего перекрестка пролетели буквально за несколько секунд. Вот что значит правильное понимание команды «Бегом марш!».

Когда особняк опустел, мы занялись осмотром трофея. Ну чего тут говорить? Одно слово – шикарно! Сам дом был двухэтажным, с большим подвалом и аж тремя входами. Обстановка не разграблена. На территории обнаружилось еще что-то типа гостевого домика на пять комнат, конюшни, га-

ража, двух кирпичных сараев и бани. В общем, неожиданное приобретение мне понравилось. Тем более что его с завтрашнего дня берут под охрану коменданчи из московского гарнизона. Ну, на первое время. Потом мы можем прислать своих людей. Также порученец Жилина выдал нам бумагу о постановке на довольствие. При этом Мишка передал еще и бумагу с адресом, шепнув, что сегодня, после двадцати двух меня там будут ждать. Передал и побежал догонять своего шефа.

Часам к пяти на бричке появились трое чекистов, которые, показав мандат, извлекли из стоящего в большой комнате сейфа какие-то бумаги. После чего ключи от неподъемного изделия «братьев Смирновых» были любезно оставлены нам. Что там за документы были, я даже не поинтересовался, так как в подобных местах вряд ли бы хранили что-то серьезное. Так что не видел смысла доставать вопросами ребят Дзержинского. Ну а ближе к назначенному времени, в сопровождении Берга и Маги (который, к слову сказать, так и не вернул Ворошилову часы), поймав извозчика, мы показали по назначенному адресу.

Глава 3

После обнимашек с Жилиным мы уселись за красивый письменный стол, освещаемый светом лампы с зеленым абажуром (мода тут, что ли, на такой цвет?), и, после взаимного освещения последних новостей, постепенно перешли к более животрепещущим вопросам. Лично меня очень сильно заинтересовало, с какой стати эти недоделанные оппозиционеры настолько потеряли берега, что рискнули схлестнуться с самим Чуром. Седой, еще когда я задавал вопрос, начал улыбаться, будто Чеширский кот. Я, глядя на этот радостный оскал, сразу почуял подвох, и Иван с готовностью подтвердил мои подозрения. В общем, что сказать? Нынешний глава СНК вполне поднаторел в подковерной борьбе, поэтому в данном случае выступил самым натуральным козлом-провокатором.

Изначально «оппозиционеры» и не чаяли хоть как-то цеплять легендарного комбата. Им такое даже в голову не приходило. Ужаснувшись возможной печальной участи «донны Розы», эти орлы поначалу сильно перевозбудились (читай – запаниковали), а потом приняли довольно верное решение – собрать представительную делегацию и двинуть в Крым для попытки вызволения боевого товарища. Так сказать, глаголом растопить каменное сердце главного морпеха. Предусматривалась даже попытка своеобразного подкупа. Не день-

гами, конечно (за это можно влететь еще сильнее), а двумя новыми грузовиками.

Но работающий в их среде человек Жилина сумел пропихнуть свой «грандиозный» план. Вначале заговорщики очень сильно заопасались, но потом дрогнули, так как альтернатива, нарисованная жилинским агентом, была вообще безрадостна. Ведь не было никакой гарантии, что всю приехавшую делегацию безжалостный Чур не сунет под трибунал и не прислонит к ближайшей стенке как сообщников. Поэтому, от общей безысходности, они с ним сдуру согласились, о чем уже сегодня очень сильно пожалели. Ну а в результате всех этих телодвижений у Седого в руках появился офигительный крючок для тесной компании внутрипартийных недоумков.

В общем, мне стали понятны побудительные мотивы «товарищей», и я даже стал подхихикивать, когда и. о. СНК расписывал, как и куда он их теперь сможет иметь. А потом Иван переключился с уже прошедшего на будущее. Довольно улыбаясь, он оповестил:

– Ну что, считай – дожили! Принято решение о воинской обязанности и мобилизации. В связи с этим решено назначить командующим Крымским фронтом Сазонова Артема Гавриловича.

От неожиданности, поперхнувшись дымом, я закашлялся, а когда смог говорить, сипло спросил:

– Офигеть! А Михаила?..

Собеседник удивленно глянул на меня:

– Как и договаривались – Фрунзе у нас наконец займется полноценным централизованным формированием регулярных частей Красной армии. Ведь именно для этого и стажировали у тебя в батальоне столько будущих командиров и комиссаров. Так что считай, появился руководящий состав сразу для полусотни подразделений по твоему образцу. Вот время их и пришло...

Я успокоенно кивнул:

– Точно! Блин, с башки вылетело... Значит, все готово? То есть на командование становится его нынешний зам, а Мишка к вам – в Москву, новую армию создавать?

Седой улыбнулся:

– В Москву и далее. У него теперь жаркие дни наступят. Но ничего – справится. Тем более с той подпоркой, что ты ему создал.

Сунув бычок в пепельницу, я улыбнулся в ответ:

– Справится, куда он денется. Ну а я Сазонову подмогну. Отношения у нас хорошие, да и человек он вполне нормальный. Так что на юге проблем не будет.

А Иван радостно добавил:

– Конечно, не будет. И ему подсобишь, и за другим присмотришь...

Еще не подозревая засады, спросил:

– За каким еще «другим»?

И тут пипидастр Жилин, невинно хлопая глазками, опо-

вестил:

– К вам, членом реввоенсовета Крымского фронта, направлен товарищ Сталин!

От подобного известия я несколько заколдобился и, придя в себя, вежливо поинтересовался:

– За каким хреном?

Собеседник, типа, удивился:

– А что такого? Тем более вы с ним хорошо поладили. Он два часа назад тебя так расхваливал...

От этих слов я даже подпрыгнул:

– «Поладили»? Да я его в первый раз в жизни увидел! И конфликтовать не стал, потому что... – я махнул рукой и сознался: – Потому что не могу предположить, что он выкинет. Нет, он еще вовсе не тот Сталин, о котором все привыкли говорить. Даже близко не тот. Но вот внутренние опасения есть.

Тут Иван тоже не выдержал:

– А у меня, думаешь, нету?! Ты вон одного Сталина опасешься, а у меня таких орлов – двенадцать на дюжину! И каждый со своими тараканами! Ни дня, мля, без сюрпризов! Вон этого усатого «друга шахтеров» взять – недавно опять вытащил свою «Декларацию прав народов России». И в частности, по поводу самоопределения и отделения, вплоть до образования отдельного государства. Вроде всё уже обговорено, но вот нейдет человеку. Задолбал уже! Ильича получилось переубедить, а этот всё кочевряжится! Понятно, что

додавим, тем более что прогресс налицо, но мне хоть небольшой передых нужен. Так что пусть другим делом займется. Под твоим присмотром...

Почесав затылок на этот крик души, я осторожно предложил:

– Так, может, его – того?

Седой, отводя взгляд, махнул рукой:

– Я не могу. Зная, что этот человек сделал для страны – не могу. И работник он – каких поискать. Что навалишь, то и тащит... – после чего, с силой потерев глаза, продолжил: – Ладно, с этим разберусь. Не обращай внимания. Просто устал чего-то... Да и на тебя, честно говоря, большая надежда есть...

На пару секунд задумавшись, я предложил:

– Тогда, может, всех остальных – того? Сразу всех, скопом. На каком-нибудь очередном заседании СНК? А можно даже и на съезде. Или лучше точно сработать?

Жилин возмутился:

– Совсем долбанулся? На тебя я точно никаким мозгокрутом не воздействовал, поэтому непонятно откуда эта магия появилась, прямо как у Троцкого! Чуть что, так сразу кончать! Бросай это дело! Сейчас просто работать надо. И с людьми, и с обстоятельствами! И не надо...

Тут собеседник увидел мою улыбку и, выдохнув, уже спокойно уточнил:

– Та-ак... опять проверяешь?

Я немногословно кивнул:

– Ага.

– Ну и как?

– Нормально. Не скурвился и не остервенел.

Иван вернул улыбку:

– Это не может не радовать. – И вернувшись к вопросу, продолжил: – Так что насчет Сталина думаешь? Реально он ведь нам нужен, но не как противник или нейтрал, а как соратник.

Пожав плечами, ответил:

– Нужен. И возможно, ты прав. Если его выдернуть из привычной среды, то есть шанс, что на жизнь он по-другому смотреть станет. А уж мы с Лапиным постараемся этому поспособствовать. Тем более что он сейчас скорее Коба, чем Сталин. Личинка, так сказать, того Иосифа Виссарионовича, что был известен всему миру. Может, что-то и получится. И кстати... – От внезапно пришедшей мысли я аж привстал. – А ты не можешь его... ну, как Троцкого?

Тут Седой смущенно закряхтел и потупился. Заинтересовавшись сей метаморфозой, я затребовал объяснений, и выяснилось, что буйствующий в Финляндии (и даже немного в Норвегии) «Лев революции» в последнее время ведет себя несколько предосудительно. А проще говоря – крыша периодически едет у ответственного товарища. И Жилин считает, что это результат его воздействия. Поэтому, если мы не хотим получить невменяемого Иосифа Виссарионовича, то

игр с мозгами лучше все-таки не допускать.

Представив себе «отца народов» с потекшей крышей, я, передернувшись всем телом, быстренько согласился с собеседником о недопустимости экспериментов над данной фигурой. Он и так особой мягкостью не отличается, а если различные мании и фобии разыграются, то хоть свет туши!

Потом мы поговорили о будущей работе Фрунзе, и тут я неожиданно вспомнил:

– Слушай, есть одна непонятность. Вот помню, в детстве фильм смотрел. Там еще паренек душевно песню пел про Лизавету...

Жилин кивнул:

– Знаю такой. «Александр Пархоменко» называется. А что?

Я удивленно поднял брови:

– Тот самый Пархоменко? Который Александр Яковлевич? Командующий Луганской группой войск? Блин, не знал, что этот фильм был про него. Хороший мужик... Мы с ним у Матюшина как-то встречались... Ну так вот – в фильме был показан Ворошилов. Причем показан каким-то достаточно крупным военачальником. А тут он в Москве, на непонятной должности. Это как так получается? Из-за различия миров?

Иван на секунду задумался:

– Скорее всего. Я точно не помню, как там с ним было в нашей реальности, только здесь он в декабре семнадцатого

подхватил воспаление легких. И чуть очухавшись, прицепом еще тифом заболел. Насколько знаю, почти полгода в себя приходил. А чего ты им заинтересовался?

Подумав, я ответил:

– Да просто думаю, не зря же он у нас дорос до наркома обороны? Какой там нарком получился, это дело десятое. Главное, что мозги в наличии были. Вот и соображаю – может быть, его имеет смысл с собой забрать? Чего ему в столице штаны просиживать? Не покажет себя – обратно отошлю. Ну а покажет... нам ведь месяца через два-три в Малороссию идти. А он тамошний люд знает. М-да...

Видя, что собеседник замялся, Седой поинтересовался:

– Чего замолк?

Я ухмыльнулся:

– Да прикинул, что если он с нами поедет, то ему часы отдать придется. Ну и пистолетик тоже. Чтобы не обижался...

Собеседник удивился:

– Какие часы?

Пришлось рассказать про чендиевскую запредельную любовь к трофеям. Немного поржали. Потом опять перешли к делу. Подкорректировали некоторые планы на будущее. Между делом я поинтересовался, как там обстоят дела у союзников на западном фронте. Ведь в нашей истории, по общепринятому мнению, выход России из войны сильно воодушевил немцев, и в результате этой «блистательной победы» они продержались месяца на три дольше. Здесь же ни-

каких мирных договоров не было, и хоть немцы и перекинули большую часть войск на запад, Антанта один черт их давила, как бык лягушку.

При этом, по словам знающего историю Ивана, в нашем времени контрнаступление союзников случилось в августе восемнадцатого. Но сейчас оно началось в июне. То есть если экстраполировать эти данные, то противник, по логике, капитулирует уже к концу сентября.

И кстати, было еще одно отличие от нашего времени. Жилин ведь не только с лекарствами мутил. Понимая, что это точно лишним не будет, он еще до своего ранения синтезировал некоторое количество WZ-4. В общем, про подобную штучку я и в свое время не слышал (там наверняка даже не первая форма допуска. Там гриф – «перед прочтением – съесть»). Короче – как бы то ни было, нервнопаралитическое боевое отравляющее вещество бинарного действия, рядом с которым разные зоманы и циклозарины это просто легкие капли в нос, произвело на немцев ошеломительное впечатление. А ведь их вначале предупредили не переходить определенные границы, ну а потом, в марте, просто обработали словно саранчу. На трех участках фронта. В общем, почти дивизия в минус, а немчура кардинально снизила прыть. Они ведь не знали, сколько у русских этого «чуда» есть, поэтому сразу остановились. Но время шло, и постепенно фрицы начали о чем-то догадываться. Например, о том, что у нас, возможно, запасы этой сногшибательной

отравы не очень-то и большие.

Поэтому, невзирая на плохое снабжение, активнейшую революционную пропаганду и сильнейшее нежелание личного состава воевать, стали осторожно двигаться вперед, прощупывая оборону противника. При этом постоянно ожидая – применят ли русские свою мерзость, от которой даже противогазы не помогают, или нет? Русские молчали, и немчура постепенно осмелела.

Но к этому моменту довольно большое количество войск уже было ими перекинуто на трещащий по всем швам западный фронт. Вот и вышло так – время мы выиграли, наше сопротивление окрепло, и теперь имеем что имеем. Ведь немцы, после провала брестских переговоров, ломанулись было в глубь страны, но после химического душа тормознулись. Точнее говоря, на севере успели занять большую часть Прибалтики. В центре – часть Белой Руси. А на юге – Малороссию. Но зато они не взяли ни Крым, ни Таганрог. Не говоря уж о восточной части Новороссии. А теперь и не возьмут. То есть сейчас у красных положение даже лучше, чем было в реальной истории. И никакого позорного договора с противником нет.

Так что теперь мы будем готовить армии для возвращения своих территорий. А после капитуляции кайзера со товарищи пойдем вперед. На Кавказ, в Прибалтику и Малороссию. Тем более что гражданская война не полыхает на всех просторах, а лишь тлеет на отдельных участках.

Так как Жилин попутно упомянул белых, я решил поинтересоваться:

– Слушай, Вань, а что там с Деникиным? А то переговариваются, переговариваются, но толку пока нет.

Тот ухмыльнулся:

– Нормально все с Антоном Ивановичем. Правда, есть опасение, что его таки прибудут, тем более что одно покушение уже было. Но зато он дал твердые гарантии не выступать против советских соединений, пока идет война с немцами. И даже формирует для участия в этой войне офицерский полк численностью в семьсот человек.

У меня аж папираса выпала от возмущения:

– Сколько?! Семьсот?! Это, биомать, не полк! Они бы еще свой усиленный батальон дивизией назвали! Вояки хреновы! Радетели земли русской, мать иху так!

Но Седой успокоил:

– Не шуми. На самом деле получился очень хороший результат. Просто замечательный! Ведь у него сейчас всего около восьми тысяч штыков и сабель. При этом в большинстве своем штабные, интенданты и прочие тыловики. Так что реально, с практическим боевым опытом, считай – тысячи четыре. Поэтому прикинь, насколько хорошо поработали наши агитаторы, что аж шестая часть опытных офицеров решила повоевать вместе с нами.

Я задумался:

– Что-то не сходится... Я историю не очень знаю, но точ-

но помню, что Деникин представлял одну из самых больших угроз для Советской власти. Что же он – с какими-то жалкими восемью тысячами толпы красных раком ставил?

Собеседник спокойно поправил:

– Это сейчас их восемь. А чуть более чем через год, к октябрю девятнадцатого, у него было бы уже семьдесят тысяч бойцов. Вот и прикинь, насколько дерьмовую политику вели «товарищи», что только на этом направлении количество боевых соратников генерала увеличилось в десять раз. – Седой выдержал мхатовскую паузу, добавив: – Ну теперь, надеюсь, такого не будет...

Ну да... в принципе, я тоже на это надеюсь. Достав новую папиросу, прикурил, и вдруг меня обуяло сильное подозрение насчет офицерского полка. Поэтому, прищурившись, посмотрел на Седого и осторожно уточнил:

– Слушай, а эти семь сотен... нет, понятно, что они будут считаться прикомандированными. Ну, типа, русского легиона во Франции. Но у нас они непосредственно под чье командование попадут? Фрунзе, то есть... э-э... Сазонова?

Жилин ослабилась настолько похабно, что все сомнения враз улетучились. И не зря. Главный партайгеноссе выдал:

– Сам-то как думаешь? Кто еще кроме тебя с таким количеством офицера управиться сможет? И так, чтобы без особых эксцессов? Поэтому – готовься. Ты за ними и присматривать и рулить станешь. И как краском Чур, и как представитель председателя СНК – Сварогов. Твое подразделение

по-прежнему остается в центральном подчинении, но действующим в интересах фронта. Так что золотопогонники будут в подчинении Сазонова, но через тебя.

В принципе, Иван еще в прошлый приезд насчет этого удочки закидывал, поэтому сейчас известие не стало для меня совсем уж полным шоком. Смущало лишь одно – у офицеров в крови прочно обосновалась субординация. Не, у них много тараканов, но вот чинопочитание (на военном языке – субординация) было на первом месте. Все усложнялось тем, что даже в столь простой вещи присутствовали свои нюансы. Так, например, звание, полученное при царе, считалось более крутым, чем то же самое звание, но уже от Временного правительства. И они внутри себя это как-то ранжировали трепетно, отслеживая все детали «первородства»! И тут – на тебе! Непонятный шпак (пусть даже и особо известный) будет ими командовать? Ладно, званий у красных нет. А кто он там по должности? Кто?! Командир батальона? Это же смех один...

Когда высказал эту мысль, мне решительно возразили:

– Не волнуйся. Всё в самый раз. Вот сам смотри – какое обычно звание у командира батальона? Капитан. Идем дальше – батальон отдельный. А в нашей армии испокон веку было так, что у командира отдельного подразделения звание на ступень выше. Значит, уже подполковник. Батальон краснознаменный. Как по нынешним временам считай – гвардейский. Добавляй еще пару звездочек. Вот и получается, что

ты уже сейчас соответствуешь званию полковника или генерал-майора.

– Угу, – я задумчиво покивал, – прямо так и вижу, как химическим карандашом пишу вокруг себя, что я комбат-полковник. Вот такенными буквами. Чтобы люди не сомневались!

Жилин фыркнул, задумался, а потом выдал:

– Согласен. Но это не проблема. С завтрашнего дня твой батальон будет называться сводной бригадой. – Еще немного подумал и добавил: – Давно пора, тем более что задачи ты решаешь не столько тактические, сколько стратегические.

Я возмутился:

– Бригадой? В три сотни бойцов?

Собеседник помахал пальцем у меня под носом:

– А что такого? Ты же у нас как Суворов, не количеством, а качеством берешь! Тем более что вооружения у тебя как раз на бригаду, если не больше. Еще ты не забывай, что Трофимов вместе с бронепоездом к вам относятся и являются просто откомандированными. Да и авиагруппу оставляем у тебя. Артиллеристы опять-таки. Плюс два броневика будет, как подарок от балтийцев и путиловцев. Да три сотни кавалеристов для Буденного буквально на днях подойдут. Ну и сам ты активно людей себе подбираешь... Так что – поздравляю, товарищ комбриг!

– Иди в жопу, товарищ... э-э... И. о.? Блин, даже не знаю, как тебя назвать... Председатель? Исполняющий обязанно-

сти? – я замялся, подбирая необходимый термин, но тут же отвлекся. – Кстати, «исполняющий», – там наш Ильич скоро очухается? А то писали, что вроде состояние стабильное, но я эти хохмочки знаю – сегодня стабильное, а завтра уже ласты склеит.

На что Жилин серьезно пояснил:

– Не склеит. Нормально там всё. Воспаление антибиотиками снято, так что недели через две я просто стану его первым замом, оставаясь в Политбюро ЦК.

Я удивился:

– А ВЦИК?

Седой отмахнулся:

– Пройденный этап. Тут ведь как получилось – Владимир Ильич и раньше чуял, а теперь на практике осознал, что на меня может многое перекинуть. Вот и ввел должность первого зама.

При этом известии я не преминул съехидничать:

– Ага. С твоей подачи. Ты же хитрый, как сто китайцев. Наверняка вождя настолько охмурил, что сейчас он просто не представляет, как раньше сам до этого не додумался...

Иван расплылся в самодовольной улыбке:

– На том и стоим!

В общем, обсудив карьерный рост братана-попаданца, мы постепенно опять вернулись к конкретике. В частности, я озаботился полевой формой для офицерского полка. Просто если на них будут присутствовать погоны, то возможна

стрельба по своим. Точнее, не просто возможна, а прямо-таки обязательна. Так сказать, «дружественный огонь». С другой стороны, заставить их снять погоны с формы – нереально. Это вызовет моментальный бунт. Какой может быть выход? Я видел лишь один – переобмундировать нафиг все эти сотни в нашу робу. В смысле – в морпеховскую. Эта форма ни солдатская, ни офицерская, она в принципе иная. Тогда и вопросов не возникнет. Фуражки пускай носят свои. А чтобы прямая офицерская натура не очень страдала от исчезновения видимых знаков различия, то я предложил ввести значки.

Внимательно слушающий меня Жилин заинтересовался:

– В смысле – значки?

Я пояснил:

– Форму их можно обсудить, но я вижу знаки в виде ромбика. Ну типа советского институтского. Или овала. Но ромб мне нравится больше. Его окантовка будет показывать, в каких войсках офицер служил. У пехоты красная, у артиллерии черная, у кавалерии – синяя. И на темно-синем или белом фоне звездочки, соответствующие последнему офицерскому званию. У прапорщика одна. У подпоручика две, у поручика три и так далее. Кстати, эти же знаки можно ввести для всех военспецов, что сейчас в рядах красных воюют. Нам все равно, а им приятно...

Иван, задумчиво потеряв подбородок, расплылся в улыбке:

– Знаешь, а ведь это очень интересно! Я тут сам ломал голову насчет погон. Думал уже какие-нибудь нарукавные повязки, видимые издалека, для офицеров предусмотреть, а ты так лихо разрулил. И насчет формы, и насчет значков. Да и демаскировать не будет. Только вот насчет звездочек... там поручика с полковником или генерал-лейтенантом не попутают? Знак ведь достаточно маленький и звездочки настолько не укрупнишь...

Я ухмыльнулся:

– Сразу видно, что ты в армии пришлый. «Пиджак», одним словом. Кадровый вояка такие вещи нутром чувствует. Ну а на всякий случай для старшего комсостава просто снизу добавятся скрещенные мечи. А для генералитета еще и маленький щит поверх них. Хотя... сколько там этого генералитета у нас будет?..

Собеседник возразил:

– Не скажи. Уже сейчас их человек тридцать наберется. И насчет значков ой как ты вовремя! Ведь у военных реально, кроме мундира и наград, больше нечем гордиться. Это же не купцы и не заводчики... Поэтому понятно, почему у взрослых людей к каждой висюльке столь трепетное отношение, что диву даешься. А мы, с этим ромбиком, вроде как и им уважение оказываем, но при этом подчеркиваем неразрывную связь поколений защитников отчизны!

Демонстративно кашлянув, я с иронией посмотрел на Седого. А тот даже несколько смутился:

– Извини. Что-то занесло. Это я так – сразу репетирую будущую речь для подачи твоей идеи.

Рассмеявшись, я пояснил, что так и понял. Ну и разговор плавно потек дальше. А услышав очередную новость, я встрепнулся:

– Ага! Так Токарев сейчас не на Сестрорецком оружейном, а в Туле? Вот он-то мне и нужен! Фармазон! Заказ два месяца назад получил и затаился в стриженной траве! Так что я тут у вас задержусь. Надо будет в Тулу смотаться. Поговорить.

Иван на это ответил:

– Тебе в любом случае как минимум на неделю надо будет тут остаться. Себя показать. С товарищами пообщаться. На митингах выступить. Ильича навестить. Ну и свои дела тоже порешаешь. – И после паузы: – А что ты у Федора Васильевича узнать хотел? Насчет оружия чего-то?

Отрицать не стал, с возмущением поделившись:

– Ага! Мне тут один самородок на СевМоре ППС сварганил. Но там, правда, ствол от «люгера» использовался. А в остальном – отличная машинка! Я тебе ее еще покажу. Ну а сейчас хочу нашего тульского Токарева носом в готовое изделие потыкать и узнать – доколе?! Чего он тянет?

Тут Жилин, хлопнув себя рукой по лбу и коротко бросив: «Подожди», рванул за дверь. А через небольшое время вернулся с желтой закрытой кобурой в руках. Причем – знакомой кобурой. Я ее сегодня у Мишки Леонтьева видел. Но то-

гда было не до разглядываний. Просто подивился непонятным пистолетом порученца, который влет не распознавался. Но вот теперь, взяв оружие в руки, только что не ахнул. Эпическая сила витаминов! Новенький «Browning HP»! Быстро скинув обойму, сделал неполную разборку. Да уж – отличий нет! Посмотрел количество патронов и убедился – все тринадцать! Собрал, покрутив в руках, и, переведя взгляд на Ивана, коротко спросил:

– А мне?

Тот рассмеялся:

– Их только-только начали выпускать. Буквально на позапрошлой неделе. Маленькими партиями, так как кое-что еще вручную доводят. Но помимо прочего, тридцать стволов персонально для тебя уже отложено. И почти вся первая десятка номеров тоже твоя. Так что вот любуйся – «ТЧТ»! Тульский-Чура-Токарева!

Я слегка скривился:

– «ТТ» звучало бы куда лучше...

Иван лишь рукой махнул:

– Федор Васильевич очень принципиальный человек. Он вообще не хотел в названии свою фамилию упоминать. С трудом удалось убедить. Так что... И как мне кажется, что в просторечии данный пистолет будет носить весьма многозначительное прозвище – «Точка». Ему это пойдет – как считаешь?

Еще раз взвесив красавца в руке, я кивнул. И сразу прики-

нул, что несколько «ТЧТ» надо будет снабдить соответствующими дарственными табличками. При этом три экземпляра (Лапину, Трофимову и Михайловскому) обязательно из первой десятки, а надпись должна быть не от меня и даже не от Жилина. Дарственная должна быть непосредственно от Ленина. Получив подтверждение от Седого о возможности данного мероприятия и сунув пистолет обратно в кобур, получил вопрос:

– А свои «парабелы» менять будешь? – при этом Иван, усмехнувшись, растолковал: – Сейчас все знают, с чем именно Чур воюет. И каждый себе хочет «люгер» заполучить. Ведь если раньше самым крутым считался «маузер», то теперь это уже вовсе не так.

– М-да... Мода – страшная штука... А так – буду, конечно. Во-первых, надо поддержать отечественного производителя. Во-вторых, по весу он такой же, но общая длина короче. Двести, против двухсот семнадцати миллиметров. А ствол, наоборот, длиннее – сто восемнадцать против ста двух. Про объем магазина я вообще молчу. Ну а самое главное в том, что он не так, как «люгер», загрязнений боится.

Тут ни капельки не соврал. Всем хорош «парабеллум» – и в руке сидит как влитой, и отдача мягкая, и лупит точно, но вот я просто запарился во время рейдов по пыльной степи его постоянно чистить. А иногда и по два раза в день. С «Хай Пауэром», пардон с «Точкой», эта проблема исчезнет. Нет и «ТЧТ» тоже необходимо обслуживать, но ведь не с такой ча-

стойкой! И пусть оружие мне нравится, но я как-то не впадаю в медитативное или оргазмическое состояние при его чистке. Так что чем меньше времени на это будет уходить, тем лучше.

В этот момент меня немного пробило на «хи-хи», так как неожиданно понял, что теперешний оружейный прогресс внезапно оказался результатом обычной личной лени. Ведь по большому счету самых разных марок пистолетов сейчас вполне хватает. И функцию свою они выполняют полностью. Так что одним больше, одним меньше – роли никакой не сыграет. Разве только что появится новый модный ствол.

Автоматы вот те – да. Они мне реально нужны. Десятка два. Но опять-таки, отталкиваясь исключительно из новоприобретенного перфекционизма. Все-таки ППС удобнее, чем МР. Да и просто хотелось бы иметь единый образец вооружения, для облегчения будущей работы ружмастеров при ремонте. Поэтому и с Токаревым думал переговорить. Пусть сделает, даже если стоимость запредельная выйдет. Руку набьет, испытает, поймет, какие для удешевления процесса станки нужны. А вот через несколько лет можно будет приступать к массовому выпуску.

В этот момент от размышлений отвлек вопрос:

– О чем задумался?

На что я честно ответил:

– Об извилистых путях прогресса. Вот сейчас получили пусть и очень хороший, но практически ненужный пистолет.

Ну еще полевую кухню усовершенствовали. Ты там со своей химией мутил. Только вот с по-настоящему полезными вещами как-то всё не складывается...

Жилин, показывая, что и он был не чужд почитать фантастику, ухмыльнулся:

– А ты что – сразу командирскую башенку на танк присобачить хотел? Ну, чтобы соответствовать высокому званию попаданца?

Я, поддерживая заданный тон, решительно отрезал:

– В жопу башенку! Реально, чего мне не хватает для полного счастья, так это туалетной бумаги. Такой знаешь – многослойной с приятным запахом. Сил уже нет лопухами пользоваться! Что зимой буду делать, вообще не представляю. Хоть в магометане переходи да кувшин у Маги отбери!

Иван аж рот открыл:

– Ты это всё серьезно? – Но увидев мои глаза, успокоился: – А-а... шутишь, паразит! Хоть бы улыбнулся, что ли!

В ответ получил тяжкий вздох:

– В каждой шутке есть только доля шутки... Это тебе хорошо жить – с теплым электрифицированным сортиром. Страшно далеки вы от народа... Ладно, давай – чего там у нас дальше?

* * *

В следующие дни я умотался так, как в рейдах не уставал.

Знакомства, общение, восемь (сука – восемь!) митингов за четыре дня. При этом туда же втиснулось посещение раненого вождя. И не без приключений – перед визитом к Ильичу, как вежливый человек, велел своим парням собрать передачу для больного. И на простой вопрос: «А что брать?», даже не включая запаренные мозги, раздраженно ответил:

– Ну что там в больницу носят? Не борщи же. Возьмите пару апельсинов или еще какие фрукты и шоколадку.

После чего укатил на очередной митинг. Да уж... Шоколад мои орлы добыли быстро. Но вот с апельсинами... Я как-то не учел ни время года, ни места действия. Сами подумайте – Россия, Москва, июль 1918 года. И апельсины...

Цитрусовые ребята так и не нашли, зато добыли персики. Контрабандные. Из Греции. Причем добыли таким сложным путем, будто за основу взяли одноименный рассказ О'Генри. Правда, у американца главный герой все-таки обошелся без стрельбы. Но мои влипли в замес, результатом которого стала добыча продукта и помощь чекистам в ликвидации банды Ленки Беса, с самим Бесом во главе. Вот, наверное, парни Дзержинского офигели, когда Дима Потоцкий, аккуратно перешагивая свежие трупы, выбрал из корзинки, стоящей на столе, три не помятых персика и, счастливо улыбаясь, продемонстрировал их остальным.

Точнее, офигели они раньше. Когда к стреляющим чекистам (кроме них никого из людей на улице просто не было) бесстрашно подошли четыре человека в непонятной форме

и уточнили нужный адрес. Кстати, по данному адресу их направил метрдотель одного из ресторанов, который и посетовал, что для апельсинов вовсе не сезон, но зато в этом заведении, у единственных в Москве, были персики, последнюю корзину которых сегодня утром купила певичка их же ресторации. Ребята резонно рассудили, что барышня за пару часов вряд ли смолотит целую корзину, и, вызнав адрес, побежали в указанном направлении, желая при этом выкупить хоть парочку персиков. А там война в полный рост. То есть оказалось, эта певичка была не просто так голосистой бабенкой, а попутно марухой Ленки Беса.

Морпехи представились, предложили помощь, ну и моментом взяли хату. Угу, взяли, как я и учил – в начале граната, потом очередь. Местные бандиты от такого авангардизма впали в полный ступор, поэтому их даже не всех покروшили. В результате я поимел фрукты для передачи и разговор с замом Дзержинского – Поляниным⁵. Федор Яковлевич выразил мне благодарность и очень заинтересовался необычным оружием моих матросиков. А я, после пояснений и легкой рекламы пистолетов-пулеметов, сделал вывод, что здешний народ про автоматы вообще ничего не знает, но исходя из энтузиазма Полянина, Токареву придется разворачивать их производство гораздо раньше, чем мы прикидывали.

Потом было торжественное посещение болящего вождя. Раненый реально стал очухиваться, поэтому к нему в па-

⁵ В этой ветке истории первым замом Дзержинского был вовсе не Петерс.

лату пропустили небольшую делегацию из меня, Жилина и Сталина. Там же присутствовала дама, оказавшаяся сестрой Владимира Ильича. Ну а сам болезный оказался сильно похож на свою фотографию, которая была сделана незадолго до смерти. Это там, где в кресле-каталке. Так же – одни глаза на костистом лице. Но зато меня признал, бурно обрадовался (что было совсем не лишним в присутствии Виссарионича), и минут пятнадцать мы вели беседы. А потом важный врач всех попросил на выход. Но в промежутке я еще успел пафосно вручить добытые с боем фрукты. В общем-то, вот так, на бегу и закончилась моя первая встреча с человеком, «круто отомстившим за брата»⁶.

При этом было интересно наблюдать за поведением Сталина. Он либо молчал, либо расхваливал Чура, когда разговор переходил на мою персону. Куда бы деться – прямо душ-ка! Хотя практически все эти дни изначально, как прилип ко мне, так только на «поспать» домой уезжал. И уже мозг весь высверлил беседами на самые разные темы. А главное – и не пошлешь ведь человека! С Жилиным мы твердо договорились, что я приложу все силы для перетягивания «лучшего друга физкультурников» на нашу сторону. Правда, когда давал обещание, то имел в виду больше Лапина, чем себя. А тут получилось, что самому пришлось напрягаться, спорить и доказывать.

Но ничего – с завтрашнего дня он займется подготовкой

⁶ Фраза из анекдота про Ленина.

к отъезду, и можно будет немного вздохнуть. Потом еще два-три дня потерпеть в дороге (едем мы вместе), и я торжественно передам Кузьме Михайловичу персональную головную боль. А не будет справляться комиссар, еще и студента туда же подключу. Но это, правда, исключительно в виде самой крайней меры, после которой товарища Джугашвили останется лишь пристрелить, словно загнанную лошадь. Ведь в бескомпромиссности Бурцева, который убежденностью, рвением и общим фанатизмом сильно напоминал приснопамятного Мехлиса, я был уверен так же, как в бесконечности вселенной. М-да... Понятно, что мои рассуждения относительно Сереги больше шутейные, но как уже говорилось, в каждой шутке есть лишь доля шутки, и неизвестно еще, как там «товарищ Роза» себя чувствует...

У меня же для посещения Тулы оставалось три дня, и поэтому я тоже стал готовиться. Просто на всякий случай перед поездкой решил добыть справочник по металлоторговле и направился в Императорский Московский университет. Тот самый, что предтеча МГУ. Там почти никого не было, но в конце концов, отловив знающего человека, был направлен в Физический институт Московского университета. Оттуда вместе с доцентом Шаровым пошли за нужной литературой к нему домой. Там засиделись с умным человеком, поэтому от доцента вышли уже затемно. Извозчика поймать не удалось и, чертыхаясь во тьме переулка (редкие фонари горели лишь на более-менее центральных улицах), мы с Ма-

гой потопали к своему особнячку пёхом. И если вы думаете, что идти было так же удобно, как и в нынешние времена по асфальту, то вы ошибаетесь. Нет, покрытие улиц присутствовало. Брусчатка в основном. И пока она ровная, то идти по ней даже впотьмах нормально. А когда один камень выше, а другой провалился ниже, да еще все это сверху покрыто раскатанными лошадиными «яблоками», то испытывается некий дискомфорт. Да и запахи, после легкого летнего дождика, стали особенно острыми. Вот никогда бы не предполагал, что в Москве будет настолько вонять деревней. Правда, к навозу никакой идиосинкразии нет, но вот как же почти из каждого переулка несло мочой! Аж дыхание задерживать приходилось.

И вот, проскакивая один из таких переулков, услышал впереди какую-то возню, а потом тихий то ли вскрик, то ли писк, и сразу следом за ним четыре приглушенных выстрела. Чендиев на секунду замер, решив процитировать Саида:

– Стрыляли...

После чего мы, достав оружие и стараясь не бухать сапогами, осторожно двинули вперед. В принципе, я не особо удивился произошедшему. Бандитизм на просторах страны цвел и пах. Вот как еще при Керенском выпустили урок на волю, так до сих пор и пытаются их загнать обратно. Только не особо успешно, потому что за это время они офигеть как приросли личным составом, вбирая в себя всех – начиная от вчерашних грубых землепашцев и заканчивая утонченными,

интеллигентными любителями кокаина. И главное – народ бандиты режут как-то вообще не задумываясь. По слухам – каждое утро по несколько телег трупов собирается. Вот и сейчас, похоже, кому-то не повезло...

Потихоньку приблизившись к арке между домами, разглядел темные кучки на земле и стоящий рядом небольшой силуэт, который приглушенно матерился. Вернее, нет. Не матерился, а ругался возмущенным девчачьим голосом:

– Скоты! Подонки! Мизерабли! Сволочи! Получили? Получили, гады? Будете знать!

Не особо высовываясь и приподняв ствол, я влез в этот монолог:

– Мы патруль! Оружие на землю. Повернуться лицом к стене! В случае невыполнения – стреляю на поражение!

Силуэт от неожиданности подпрыгнул, тоненько сказал: «Ой!» и, шустро повернувшись, дал деру. Но как я уже говорил – здесь не было дорожного покрытия от Собянина, поэтому буквально сразу мамзелька (а судя по голосу, это именно девушка) навернулась. Брякнулась с размаху, но при этом лишь тихо охнула и, быстро вскочив, собралась продолжить бегство. Но не успела, так как я оказался рядом и, схватив беглянку за шиворот, остановил ретираду.

Свой пистолет она выронила при падении, поэтому выстрела я не опасался. Разве что ножа, могущего оказаться у девах. И по уму ее сейчас надо шваркнуть о стенку (чтобы потерялась), после чего спокойно обыскать. Но взглянув в

круглые от ужаса глаза и разбитый при падении нос, просто слегка отпихнул дамочку в сторону, так чтобы она оказалась между мной и Магой, после чего сурово кивнул на лежащих и спросил:

– Дружков своих покрошила? Награбленное не поделили?

Та вначале недоуменно хлопнула ресницами, а потом выпалила:

– Да вы... Вы! Как вы могли такое подумать! Я домой шла, а тут эти. Сумочку отобрали, а там все деньги были... А потом один – мерзкий, чесноком воняющий, меня хватать начал! Вот я и начала стрелять...

Офигеть... если эта красотка не брешет, то можно лишь позавидовать ее самообладанию и общей шустрости. Троих громил завалить, да еще в такой обстановке, не каждый мужик сумеет. Или все-таки она врет, и это просто бандитская шмара, которая что-то не поделила со своими подельниками? Ведь даже сейчас бабы такие встречаются, что по жестокости не уступают тертым каторжанам. Ладно, сейчас выясним:

– Документы.

Девчонка растерянно оглянулась и, показывая рукой на лежащее тело, пояснила:

– Вон у того, что с бородой, моя сумочка. Документы в ней. Он ее, когда отобрал, за пазуху себе сунул.

Ну, вот в принципе и разъяснилось – не шмара. Скорее всего, правду говорит. Чендиев быстро извлек из слабо сто-

нущего бандита искомое, и я, при свете спички прочтя бумагу, спросил:

– Что же вы, гражданка Ласточкина Елена Михайловна, ночами шляетесь? Не знаете, какая обстановка в городе?

Та всхлипнула:

– Знаю... Просто сегодня на работе задержаться пришлось. Наш заводеда Тришкин сказал, что необходимо именно сегодня напечатать те бумаги. А когда уже все разошлись, приставать начал, скотина! Когда пистолет увидел, то испугался и потом вслед орал, чтобы я даже не возвращалась. И мало того, что работы лишилась, так тут еще и эти...

Губы у Ласточкиной задрожали, превращаясь в квашню, и она заревела.

В этот момент подал голос один из «убитых». Видно, от сырой прохлады придя в сознание, он со стоном протянул:

– Убила... Как есть убила, сучка...

Опустившись на колено рядом с раненым, я быстро спросил:

– Земеля, кто тебя убил? Кто эта девка?

Тот, еще плохо соображая, протянул:

– Хрен его знат. Кака-то тварь из блахородных. Сразу на нож ее надо было ставить. Сразу, а не развлекатси... Дык хто ж ведал, шо оно так обернётся?..

– Так ты ее не знаешь? Она разве не с вами была?

– Нет... Мы енту падлу ране не видали. Ты, паря, давай, того, к дохтору мине тащи... А уж я те отплачу по-царски...

Золото дам... Давай...

Выяснив все, что надо, перестал слушать, чего там еще надо бандиту, и, выпрямившись, подошел к плачущей девочке. Слегка приобнял ее, утешая:

– Ну всё, всё... хорош рыдать. Тушь потечет. Вот твоя сумочка. Платок-то есть?

Та, судорожно кивнув, извлекла вышеупомянутый предмет гигиены и принялась утираться, пробормотав при этом:

– Нет у меня никакой туши... А вот нос... Ой! Мамочки, болит-то как...

Развернув Ласточкину к себе, потребовал:

– Ну-ка, дай гляну. Да не дергайся ты и руки убери.

Осторожно пропальпировав мелкую носопырку (при этом слезы у Елены полились просто ручьем), вынес вердикт:

– Не сломан. Просто ушиб.

Помолчали. К этому времени очнулся, подав голос, второй грабитель. А я, подняв с земли, стал разглядывать «Браунинг М1906». Ну да – дамская пукалка с патроном 6.35. Шестизарядная. Угу – магазин пустой. То есть Ласточкина с переполоха отстреляла все – до железки. Хотя чего там стрелять – в обойме у нее, судя по услышанным выстрелам, всего четыре патрона было. При этом вlepила две пули в голову одному, подранив еще двоих. Да уж... Убить из такого пистолетика тяжело, но она сильно постаралась.

Я по новой взглянул на барышню, которую еще потряхивал нервный озноб, и неожиданно для себя спросил:

– У тебя еще патроны есть?

Та, засопев словно ежик, отрицательно мотнула головой.

– А живешь далеко?

На этот раз получил кивок и принял окончательное решение:

– Тогда сейчас пойдем с нами. Нормально обработаем ссадины, ну и патроны к твоему малышу подкинем. Тут идти совсем немного. А потом тебя довезем, куда скажешь. Вызовем дежурную пролетку и довезем.

Елена свет Михайловна напряглась и, настороженно глядя на меня, ответила:

– Нет. Можно я домой пойду?

Я усмехнулся:

– Семеро по лавкам ждут?

Девушка на шутку не повелась:

– Нет. Никто не ждет, но с вами я не пойду. Отпустите меня... Пожалуйста...

Было видно, что она нас сильно боится, хотя и старается не показывать вида. Ну а мне вдруг вспомнилась пародия на «Свадьбу в Малиновке». Тот момент, где Яринке, принесшей весть красным, предлагают остаться с ними, дабы не ходить ночью. На что та простодушно отвечает командиру: «Боюсь я, дяденька, одной в лесу с толпой мужиков оставаться. Лучше до дому побегу». Так что Ласточкину в этом вопросе понять можно.

Тем временем, глядя на напуганную девчонку, я размыш-

лял. Вообще хочу сказать, когда только попал сюда, барышнями как-то не интересовался. Вначале было просто не до того. Потом вдруг обратил внимание на эту незаинтересованность и сильно напрягся, думая, что малахольная инопланетянка, одарив до сих пор не раскрытыми возможностями, напрочь заблокировала одну из самых главных функций организма. После осознания возможной катастрофы переживал еще где-то с месяц, но вот как только перестал молодеть, так и к женскому полу появился интерес. Наверное, в организме что-то окончательно устаканилось. А когда в Володаеве интерес перерос в бодрый энтузиазм, и мы замечательно провели ночь с бойкой хозяйкой, успокоился, убедившись, что всё стало работать нормально. И сейчас, разглядев ладную фигурку, понял, что эта барышня меня очень даже заинтересовала. Поэтому было принято решение.

— Хорошо. Не хотите идти с нами и не надо. Но одну я вас не отпущу. Нет никакой гарантии, что в следующем переулке на еще каких-нибудь лиходеев не нарветесь. Поэтому провожу до дома. Добро?

Тут уж возражать ей было не резон, и Елена от сопровождения отказываться не стала. Единственно, перед тем как уйти, кивнул Маге на двух недобитков, и тот понятливо хмыкнул. Мы, конечно, не органы правопорядка, но значит, и не связаны инструкцией. А слова варнака «на нож ставить» я услышал хорошо. Так что не фиг им дальше людей мочить!

Ну а мы с барышней двинули к ее дому. Вначале она про-

сто шла рядом, но, когда я призывно оттопырил локоть, взяла меня под руку. А когда вышли на более-менее освещенную улицу, я лишь утвердился в своем намерении продолжить знакомство, так как и на лицо (невзирая на опухший нос и поцарапанную щеку) девчонка оказалась очень даже симпатичной. И что характерно – хоть и отвечала на вопросы односложно, но я периодически ловил ее заинтересованные взгляды. Постепенно девушка оттаяла настолько, что решилась задать вопрос:

– А вы на самом деле кто? Ведь точно не патруль. Патрули по двое не ходят. И черкесок, как на вашем спутнике, не носят. То есть я понимаю, что вы какой-то военный, и кажется, даже догадываюсь какой...

Удивившись, я спросил:

– Ух ты! Интересно было бы послушать ваши догадки с заключениями.

Спутница тихо фыркнула и, немного подумав, ответила:

– Вначале думала, что появился патруль. Тем более, вы сами так сказали. Потом поняла, что на патрульных вы совсем не похожи. Ни внешним видом, ни поведением. Но не успела испугаться еще сильнее, как очень удивилась. Я же видела, что вы заподозрили меня в знакомстве с теми подонками. А удивление вызвало, насколько быстро, буквально парой фраз, вы разрешили свои сомнения.

Ласточкина замолкла, и я подбодрил:

– А вывод будет?

Та уже открыто улыбнулась:

– Конечно, будет. Впотымах было плохо видно, зато сейчас я могу точно сказать – вы из тех морских пехотинцев, что недавно прибыли в Москву. Про это в газетах писали. Более того – я вас узнала. Вы командир этих моряков – Чур Сварогов! Я права?

Хм... в наблюдательности ей не откажешь. Поэтому, остановившись, представился по всей форме, еще и к ручке приложился. А барышню окончательно отпустило, и она начала говорить, что вначале боялась даже глаза поднять на идущего рядом громилу. Но потом обратила внимание на необычный нарукавный шеврон с якорем, который был прямо возле ее носа. При этом форма на парне явно не морская. Тогда она заинтересовалась и осмелилась глянуть чуть выше, в лицо спутника. Подивилась его смутной знакомости. А когда подошли к очередному фонарю, я был узнан. Вот тут она окончательно и успокоилась.

Успокоилась и стала более-менее развернуто отвечать на вопросы. Рассказала, что в Москве живет с прошлого года. Сюда переехала из Питера. Поселилась у бабушки по папиной линии, которая два месяца назад преставилась. Папа служил офицером-интендантом, но в семнадцатом был командирован в Читу, и с тех пор от него ни слуху ни духу. Есть еще брат, который работает инженером на рембазе Амурской военной флотилии. Только вот от него тоже писем с прошлого года нет. Про маменьку Елена ответила глухо, де-

скасть, она их бросила еще в тринадцатом году, уехав за границу. А сама Ласточкина покинула Питер по причине ухода за старенькой, одинокой бабушкой.

Слушая девушку, я где надо улыбался, где надо сочувственно кивал, а сам с удивлением прикидывал, что барышня в некоторых местах явно привирает. Я в последнее время брехню хорошо чують начал. И сейчас создается впечатление, что вот насчет мамы и бабушки говорит правду. А насчет папеньки точно что-то недоговаривает. Да и относительно братца не все чисто. Ну да ничего. Мы еще все эти вопросы разьясим. А сейчас, доведя девушку до доходного дома, комнату в котором она снимала, вежливо стал прощаться.

В гости даже не напрашивался. Ни одна нормальная девица (тем более в столь смутное время) не станет приглашать в дом практически незнакомца. Это выглядело бы очень странно и сразу показало бы ее... кхм... легкомысленность. Ласточкина даже намеков никаких в эту сторону не делала, поэтому перед дверью парадного я просто сказал:

– Надолго не прощаюсь. Единственно прошу – завтра с утра никуда не уходите. Я подъеду часам к девяти.

Та бросила быстрый взгляд из-под ресниц:

– Зачем?

– Ну как же, – я вздохнул, – вы ведь с сегодняшнего дня безработная? Ну вот. А нам в представительство все равно надо искать машинистку. И если уж так звезды сошлись, то

почему бы не взять вас? Вы согласны?

Было видно, что Елена ожидала другого ответа, так как уголки ее губ немного опустились, но, не подавая вида, она кивнула:

– Конечно, согласна! И даже про оклад спрашивать не стану, потому что меньше, чем в нашей конторе, еще поискать надо...

А я глядя в ее большие серо-зеленые (или просто серые? Черт, как же не хватает нормального освещения) глаза, добавил:

– Вот и славно. А еще хочу сказать, что вы мне понравились, и если не будете против, то с радостью продолжу наше знакомство! Честь имею!

После чего козырнул и, повернувшись, потопал к выходу со двора. Но перед этим успел заметить, как на лице Ласточкиной стала появляться неуверенная улыбка.

Глава 4

Утро следующего дня выдалось несколько замороченным, но к назначенному времени пунктуальный Чур уже был на месте. Пока нанятый извозчик вяло переругивался с дворником, я, выйдя из пролетки, курил, поглядывая на часы. В моем времени опоздание барышни считалось чем-то обыденным. Не знаю, как с этим обстоит дело сейчас, но если Ласточкина появится вовремя, то просто слов нет...

Барышня меня ведь всерьез заинтересовала. И не только меня. Просто, когда я появился на базе, любопытный Серега Приштин, открывший дверь, аж за спину командиру заглянул, выискивая непонятно кого. Точнее говоря, вполне понятно, потому что пришедший раньше Магомед наверняка объяснил парням, с какой стати он нарисовался один и куда делся Чур. Вот ребята и пребывали в радостном предвкушении. Ну еще бы – всем было очень интересно посмотреть на мамзельку, на которую обратил внимание их командир.

Только меня вечером заботило другое. В том, что Ласточкина чья-то подводка, я не очень верил. Слишком сложно получилось бы. Тем более от дома доцента Шарова до особняка мы двигались не кратчайшим маршрутом, а выбирая места посветлее и почище. То есть заранее на нашем пути мизансцену со стрельбой и трупами не построишь. Значит, тот вариант, что знакомство это – спланированная ак-

ция, полностью исключен. Но оставалось другое. Слишком уж интересно выглядело поведение Елены. Любая другая бабенка билась бы в истерике после случившегося. А эта... В общем, мне показалось, что действовала она слишком хладнокровно для обычной домашней девочки. Вот сами прикиньте – идете вы по ночному городу и к вам подваливают трое гопников с ножами. Отрезая путь к бегству, предлагают поделить вещичками. При этом они не слепые и вполне контролируют ваши действия.

Что при этом делает барышня? Она отдает сумочку, отвлекая тем самым внимание и выигрывая те секунды, которые нужны, чтобы извлечь пистолет из кармана (что, кстати, тоже очень интересно – ствол был не в сумке, а в кармане), взвести его и четырьмя выстрелами положить троих нападавших. Лично меня это поразило. Просто помню, еще в девяностые один знакомый рассказывал, как его шпана пыталась прессануть в подворотне. Эпизод приключился во времена первой чеченской, и парень, будучи недавним дембелем, чувствовал себя без оружия как без штанов, поэтому таскался с трофейным «марголиным»⁷. И когда на него налетели – начал шмалять. Стрелял на поражение, но бандиты разбежались все. Своим ходом. То есть он даже не был уверен, что в той сутолоке в кого-то попал.

А здесь же не деваха, а какой-то терминатор без нервов... Да и к трупам с ранеными она отнеслась довольно спокойно.

⁷ Малокалиберный (5,6 мм) спортивный пистолет.

Без всяких ступоров и прочих обмороков. Была нервная трясучка, но так – в пределах нормы даже для мужика. А она все-таки девушка... То есть у меня в башке никак не стыковалось подобное поведение с нежной бестужевкой-курсистой. Поэтому с раннего утра связался с Жилиным, и в питерское ЧК ушла срочная и секретная телеграмма – выяснить данные на Ласточкину Елену Михайловну, включая состав ее семьи. Телеграмма была от имени Жилина, который, как всем известно, шутить не любит, и поэтому, думаю, уже к возвращению из Тулы ответ у меня будет.

В общем, барышня была полна загадок. Но вот в точности ей не откажешь. Вышла она из парадного без двух минут девять. Улыбаясь, я поздоровался и пригласил Елену в пролетку. Та улыбнулась в ответ, и всю дорогу мы довольно мило болтали. Зато когда прикатили на базу, так сразу и началось. В том смысле, что дежурный открыл дверь с небольшой задержкой, зато в прихожей, размером с фойе небольшого театра, была уже выстроена охрана во главе с Бергом. Тот при виде вошедших задрал подбородок и, сделав три строевых шага, доложил, что за время моего отсутствия (это за сорок минут-то!) никаких происшествий не произошло. Нет, все было проделано в духе лучших уставных требований, только вот один факт смазывал всю картину. На меня при докладе вообще никто не смотрел. Даже делающий доклад барон косил глазами в сторону. А уж стоящие в строю, так те просто откровенно разглядывали прибывшую со мной девицу.

Ну, ребят понять можно. Они со вчерашнего дня изнывали, поэтому, выдвинув ее вперед, представил:

– Наш новый сотрудник – Ласточкина Елена Михайловна. Будет работать секретарем-машинисткой. Пока на испытательном сроке в две недели. Документы и пропуск сейчас ей сделаем.

Девушка под взглядами на секунду стушевалась, покраснела, но потом, вскинув голову, звонким голосом произнесла:

– Здравствуйте, товарищи!

Строй расплылся в улыбках и приглушенно рявкнул:

– Здравия желаю!

Я же ухмыльнулся и, сказав, что поименное знакомство будет в процессе работы, повел Ласточкину наверх – оформляться. При этом, пока шли по лестнице, в голове почему-то крутилось: «А в комнатах наших сидят комиссары и девушек наших ведут в кабинет...» Не, ну а чё? Вот девушка. Вон кабинет. Я правда не комиссар, но ведь это образно говорилось...

А когда стал заполнять анкету, вчерашняя ситуация постепенно начала проясняться. То, что барышня училась на Бестужевских курсах, я уже знал. А сейчас мне пояснили, что слушая курс физиологии, в шестнадцатом и семнадцатом годах, по рекомендации самого доктора наук Николая Евгеньевича Введенского, Елена еще и работала в госпитале. То есть что раненых, что трупов навидалась выше головы. Ну

теперь понятно, откуда такое спокойствие при виде жмура и стонущих бандитов. Возраст – двадцать пять полных лет. Не замужем. Про отца и брата она вроде как еще вчера говорила, поэтому строчки про них пока не вызвали дополнительного интереса. Попутно задавая вопросы, заодно выяснил, что оружием она (при папе-офицере) увлекается с детства и с юных лет поражала отцовых друзей своей меткостью. Хотя это и считалось для девушки несколько предосудительным занятием, но родные не мешали ее увлечению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.